

Crusader

Has been issued since 2015.
ISSN 2410-9126
2015. Vol.(1). Is. 1. Issued 4 times a year

EDITORIAL BOARD

Dr. Cherkasov Aleksandr – Sochi State University, Sochi, Russia (Editor-in-Chief)
PhD Ivantsov Vladimir – Sochi State University, Sochi, Russian Federation
Dr. Krinko Evgenii – Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences,
Rostov-on-Don, Russian Federation
PhD Mamadaliyev Anvar – Sochi State University, Sochi, Russian Federation
PhD Sorokin Aleksandr – Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation
Dr. Šmigel Michal – Matej Bel University, Banská Bystrica, Slovakia

The journal is registered by Federal Service for Supervision of Mass Media,
Communications and Protection of Cultural Heritage (Russia).

Journal is indexed by: **CrossRef, OAJI, MIAR**

All manuscripts are peer reviewed by experts in the respective field. Authors of
the manuscripts bear responsibility for their content, credibility and reliability.

Editorial board doesn't expect the manuscripts' authors to always agree with its
opinion.

Postal Address: 26/2 Konstitucii, Office 6
354000 Sochi, Russian Federation

Website: <http://ejournal29.com/>
E-mail: sochio03@rambler.ru

Founder and Editor: Academic Publishing
House *Researcher*

Passed for printing 16.03.15.

Format 21 × 29,7/4.

Enamel-paper. Print screen.

Headset Georgia.

Ych. Izd. l. 4,5. Ysl. pech. l. 4,2.

Circulation 500 copies. Order № Crus-1.

Crusader

2015

№ 1

Crusader

Издается с 2015 г. ISSN 2410-9126
2015. № 1 (1). Выходит 4 раза в год.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Черкасов Александр – Сочинский государственный университет, Сочи, Российская Федерация (Гл. редактор)

Иванцов Владимир – Сочинский государственный университет, Сочи, Российская Федерация

Кринко Евгений – Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Мамадалиев Анвар – Сочинский государственный университет, Сочи, Российская Федерация

Сорокин Александр – Томский государственный университет, Томск, Российская Федерация

Шмигель Михал – Университет Матея Бэла, Банска Быстрица, Словакия

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия (Российская Федерация).

Журнал индексируется в: **CrossRef, OAJI, MIAR**

Статьи, поступившие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

Адрес редакции: 354000, Россия, г. Сочи,
ул. Конституции, д. 26/2, оф. 6
Сайт журнала: <http://ejournal29.com/>
E-mail: sochio03@rambler.ru

Учредитель и издатель: ООО «Научный
издательский дом "Исследователь"» -
Academic Publishing House *Researcher*

Подписано в печать 16.03.15.
Формат 21 × 29,7/4.
Бумага офсетная.
Печать трафаретная.
Гарнитура Georgia.
Уч.-изд. л. 4,5. Усл. печ. л. 4,2.
Тираж 500 экз. Заказ Crus-1.

© Crusader, 2015

Crusader

2015

№

1

C O N T E N T S

Articles and Statements

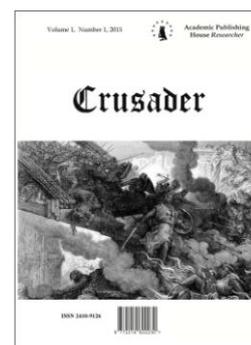
Military-political and Dynastic Princes Russian Contacts with the Crusaders XII – Early XIII Centuries Viktor Muderevych, Inna Kubaj	4
The Battle of Woplawki: the Fall of Anticrusaders Campaigns of Grand Duke of Lituania Vitenes Ruslan B. Gagua	23
Medieval Tract «Arab Archery» About the Parameters of Bows and Arrows as A Historical Source Alekssei V. Korobeinikov	39
Aeroballistic Parameters of Arab arrows On the Medieval Tract "Arab Archery" Nikolas W. Mitiukov, Elena L. Busygina	50

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Crusader
Has been issued since 2015.
ISSN: 2409-6288
Vol. 1, Is. 1, pp. 4-22, 2015

DOI: 10.13187/crus.2015.1.4
www.ejournal29.com

UDC 94(100)“11/12”

Military-political and Dynastic Princes Russian Contacts with the Crusaders XII – Early XIII Centuries

¹ Viktor Muderevych
² Inna Kubaj

¹ Chernivtsi National University named after Yuriy Fedkovych, Ukraine
2a, Haidara St., Chernivtsi, 58016

PhD (History)

E-mail: pjetro@rambler.ru

² Chernivtsi National University named after Yuriy Fedkovych, Ukraine
4b, Entuziastov St., Chernivtsi, 58016

PhD (History)

E-mail: innakubay@rambler.ru

Abstract

The article is dedicated to the problems of military-political contacts between the Russian princes and Crusaders. In particular, it was considered the relationship of the princes with the Scandinavian, German, Czech and Polish parties of military campaigns on the Middle East. Chronologically, these symptomatic contacts were limited by the period of the first four crusades. The Rusychi did not participate in the Crusades, however, they had repeatedly entered into relationships with their participants. Often, for the sake of personal interests. Special attention is paid to the dynastic ties of princes with the European Crusaders, who played a fundamental role in the translation of crusading ideas into the territory of Kievan Rus. Due to this we are able to understand the reception of these ideas in the ancient social and cultural space. Of particular interest is the reflection of ancient chroniclers about the events related to the crusading movement.

Keywords: crusades, Prince of Kievan Rus', Old Russian diplomacy, Scandinavian crusaders.

Введение

Крестовые походы на Ближний Восток, как известно, представляли собой длительный военно-политический конфликт между христианскими и мусульманскими государствами. Он возник как результат сложных трансформационных процессов в тогдашнем европейском социуме, что привело к определенной поляризации и конфронтации сил на евразийском цивилизационном пространстве. Таким образом, крестовые походы целесообразно рассматривать в широком контексте эволюции средневекового общества, которое формировалось на почве взаимоотношений между народами и государствами с присущими им полярными духовными доктринами, и где религиозная нетерпимость сыграла роль своеобразного катализатора и привела к так называемой «священной войне». Однако разделение на «своих» и «чужих» – христиан и нехристиан – было лишь «вершиной

айсберга» сложных, вместе с тем, нерешенных, спорных вопросов, связанных с геополитическими коллизиями конца XI–XII вв., которые возникали между христианами и мусульманами. Ответ на которые должна была дать война за освобождение от неверных Гроба Господнего в Иерусалиме. Крестовые походы (как религиозный конфликт) также существенно повлияли на характер международных отношений эпохи Средневековья.

В историографии давно сформировалось убедительное мнение, что Киевская Русь не принимала участия в Крестовых походах. Тем не менее, с присущей долей вероятности не стоит исключать возможность военно-политических и династических контактов русичей с крестоносцами. Более того, древнерусские источники подтверждают рецепцию крестоносных идей на Руси. Древнерусская рефлексия главных идей и мотивационных приоритетов крестоносцев у современных исследователей сомнения не вызывает, ведь это противостояние было чрезвычайно актуальным в частности на фоне борьбы с кочевниками (половцами), которые постоянно беспокоили границы древнерусского государства. Стоит подчеркнуть, что победные походы Святополка Изяславича (1093–1113) и Владимира Всеволодовича (1113–1125 гг.) первой половины XII вв. были правильно названы историками «крестовыми походами» [69, с. 180; 72, с. 52-53]. О чем свидетельствуют упоминания в Ипатьевской летописи о битве на речке Сольнице в 1111 году, которая стала решающей в русско-половецком противостоянии этого времени. Летописное описание битвы, безусловно, связано с событиями на Ближнем Востоке, где крестоносцам пришлось противостоять туркам-сельджукам и Прибалтике. Где война велась против нехристианских народов Европы.

Материалы и методы

Эти события хорошо описаны в работах Б. Рыбакова [69, 70], А. Сахарова [72], В. Пашуто [58, 59], М. Котляра [42, 43, 44], А. Головки [10, 11, 12], А. Назаренко [54, 55, 56], М. Заборова [32], Г. Лозинского [104], А. Каждана [35, 99], П. Толочко [76, 77], А. Головки [10; 11; 12] и др.

Следует обратить внимание на тот факт, что военно-политическим контактам Руси с крестоносцами в тематической историографии уделяется достаточно мало внимания. Анализ вышеописанной проблематике ограничивается преимущественно краткими заметками в работах общего характера, поэтому комплексное исследование сделает возможным заполнение малоизвестной лакуны в истории международных отношений Киевской Руси конца XII – начала XIII в. Такое положение вещей, вызванное в основном ограниченностью существующих источников и фрагментарностью их показаний.

Принимая во внимание данный аспект, целью и задачами публикации будет с помощью анализа, его компаративных составляющих и историко-филологического синтеза отдельных свидетельств источников, реконструировать фрагментарные данные о контактах удельных русских князей с латинскими крестоносцами Ближнего Востока, которые хронологически приходятся на период первых четырех Крестовых походов (1197-1204).

Исследование базируется на информации Ипатьевской [64], Лаврентьевской [63], Новгородской [57] летописях, а также греческих и латинских источниках. В частности, «Алексиада» Анны Комниной [40], «История со времен правления Иоанна Комнина» Никиты Хониата [83], «Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов» Иоанна Киннама [37]. Наряду с этим довольно интересная информация содержится в «Хронике Иерусалима и Антиоии» [103], «Великопольской хронике» [5], хрониках Оттона Фрейзенгерского [106], Ордерика Вителія [105], Викентия Парижского [110], а также норвежских норативных источниках [95, 109].

Взаимосвязи между латинскими крестоносцами и русскими удельными князьями занимают видное место в истории международных отношений Юго-Западной Руси XII – начала XIII в.

Обсуждение

Первые контакты русичей с латинскими крестоносцами относятся к периоду Первого крестового похода и связанные с паломничеством в Святую Землю первой жены Владимира Мономаха Гиды, которая была дочерью последнего англосаксонского императора Харальда

Годвинсона (январь-октябрь 1066). Информация об этом дошла до нас в письменном норративе из монастыря в Кельне «Чудо Святого Пантелеймона о короле Харальда». Хорошо известно, что Харальдом называли сына Владимира Мономаха Мстислава Владимировича (Великого) (1125–1132), что дает убедительные основания связывать именно с ним содержание данного источника (все последующие цитирование памятника в статье представлены по А. Назаренко). Автор этого средневекового произведения (известный церковный писатель первой половины XII в.) Сообщает, что однажды, на охоте, Мстислав был смертельно ранен медведем. Его мама Гида, которая поддерживала тесные связи с монастырем Святого Пантелеймона в Кельне, обращалась к своему покровителю (Св. Пантелеймону) с молитвами о выздоровлении. Мстислав чудом выздоровел, а мать получила серьезный повод для паломничества в Палестину. Гида и раньше пыталась совершить паломничество в Иерусалим, но сын не отпускал ее, несмотря на опасную политическую ситуацию в ближневосточном регионе. Однако после чудесного выздоровления Гида заявляет: «Ergo et ego Iherosolimam te non obsistente proficicar» («теперь я отправлюсь в Иерусалим, потому что ты не станешь тому препятствовать») [56, с. 78; 54, с. 632]. Согласно содержанию источников «et mater fidelis peregrinationis votum gaudens adimplevit» («мать с радостью осуществила благочестивое паломничество») [56, с. 78; 54, с. 632].

Хронология событий выглядит следующим образом. Согласно убедительным выводам А. Назаренко, Мстислав выздоровел около 1097 г., а мать отправилась в Палестину примерно в 1098 году [54, с. 632]. Исходя из приведенных суждений, русские паломники находились в Палестине примерно с участниками первого крестового похода. Скепсис В. Кучкина в данном случае совершенно обоснованный, поскольку Гида была чрезвычайно религиозным человеком, идеи крестоносцев еще больше вдохновили ее на паломничество. Кроме того, находясь в лагере профессиональной рыцарской армии, она чувствовала себя значительно безопаснее. Еще одним доводом в пользу нашего утверждения выступает тот факт, что после смерти своего отца Харальда, погибшего в битве при Гастингсе 1066 г. против Вильгельма Завоевателя (1066–1087), она находилась на территории Фландрии, откуда родом руководители Первого крестового похода. Таким образом, можно с уверенностью констатировать: Гида находилась в Святой Земле с отрядами крестоносцев. К сожалению, никаких дополнительных свидетельств в источниках мы не находим. Только известно, что она погибла на территории Палестины на рубеже 1097–1098 гг. Так как, по словам А. Назаренко, Мономах на рубеже 1098–1099 гг. женился во второй раз [54, с. 633].

Однако на этом наши свидетельства об участии русичей в Первом крестовом походе не исчерпываются. В «Истории Иерусалима и Антиохии» («Li Estorie de Jerusalem et d'Antiohe»), в описании битвы при Никее 1097 г. упоминаются «de Rossie» [103, s. 621]. В. Папуто и Г. Лозинский в своих работах не имеют никаких сомнений в подлинности данного источника [58, с. 140–141, 104, s. 256]. Другой точки зрения придерживается М. Заборов, подвергая критике вышеупомянутую хронику [32]. Учитывая все замечания, трудно однозначно интерпретировать данную сентенцию, ведь никаких параллельных исходных свидетельств на сегодня не обнаружено. Методологически ошибочным будет предположение, что упоминание «de Rossie» касалась паломнического отряда Гиды, поскольку она, несомненно, находилась в сопровождении военного отряда. Учитывая исторический анахронизм (Никея была захвачена крестоносцами 18–19 августа 1097 г., в то время как Гида отправилась в путешествие не раньше 1098 г.) следует добавить, что логические обобщения возможны лишь при наличии новых источников, которые существенно дополнили бы существующие отрывочные фрагменты.

Более рельефно выглядят контакты русских князей со скандинавскими крестоносцами, в частности Сигурдом Крестоносцем (1103–1130 гг.). Следуя тексту норвежских источников, путь Сигурда в Святую Землю проходил через русские земли (в частности Киев), поэтому вполне логично, что детали военной кампании были обсуждены в 1102 г. в Киеве при посредничестве датского короля Эрика Доброго (1095–1103), которого с официальной аудиенцией принял сам князь Святополк. Более того, в саге об Эрике Добром отмечается, что Святополк предоставил ему военное сопровождение в Константинополь, где он провел

переговоры о предоставлении крестоносцам в Святой Земле нового подкрепления из Скандинавии. Это не было банальной случайностью или стечением обстоятельств, ведь в подготовке данного крестового похода Киевский князь Святополк сыграл не последнюю роль, что подтверждают норвежские саги. В течение всего пути по территории Руси, высокопоставленных дипломатических гостей из Скандинавии тепло встречали церковными колоколами и праздничными песнопениями. Однако датский король не сумел реализовать свои намерения, поскольку в 1103 г. погиб на Кипре [109, s. 345].

Вместе с тем, свидетельство скандинавских источников позволили французскому исследователю В. Гултсдоффу сделать вполне логичное предположение, согласно которому посредническую миссию мог выполнять русский игумен Даниил, который находился на территории Константинополя и Святой Земле в течение 1106–1108 гг. [98, с. 526-527]. Гипотеза французского специалиста не противоречит хронологической последовательности событий. Согласно исследованиям М. Веневитинова [6], Даниил отправился в Палестину в 1106 г, через три года после того, как погиб Эрик, а вернулся накануне экспедиции Сигурда 1108 г. Косвенным доказательством данной гипотезы является исследование Ю. Глушакова [9], В. Данилова [22], Н. Водовозова [7], Н. Прокофьева [67] и др., в которых ученые акцентируют внимание на том, что миссия игумена Даниила выходила за рамки изучения сакральной географии Палестины и, кроме искупительных задач, носила определенные дипломатично разведывательные функции. Весомым аргументом таких предположений является текст самого «Хождение игумена Даниила», где можно найти ряд соответствующих показаний. Итак, с уверенностью можно утверждать, что переговоры Даниила (если они имели место) закончились удачно, поскольку ожидаемая военная экспедиция во главе с норвежским конунгом поступила около 1108 г. (в то время, когда Даниил уже вернулся на Русь). Сигурд Крестоносец прибыл в Акру на 60-ти кораблях с 10 тысячами воинов [34, с. 143]. В норвежских географических произведениях того времени путь в Палестину, как известно, проходил через Киев (путь из «варяг в греки»), поэтому, аналитические выводы В. Гултсдоффа о целях и задачах Даниила во время совершения путешествия-паломничества к Святым Местам выглядят более чем убедительными и заслуживают внимания исследователей. Не последнюю роль здесь сыграл и авторитет первой жены Мономаха – упоминаемой Гиды, которую знали при дворе первого короля Иерусалимского королевства Балдуина (1100–1118 гг.). Именно здесь Даниила тепло приняли, а сам император высказал русскому паломнику незаурядные почести.

Согласно свидетельствам норманнского хрониста XII в. Ордерика Вителія, возвращаясь в 1111 г. из Палестины через Киев, Сигурд попросил руки у дочери Мстислава Владимировича Мальфриды [105, с. 727]. С этим согласится трудно, поскольку обратный путь конунга не проходил по территории Руси, да и сама Мальфрида в то время находилась не в Киеве, а в Шлезвиге, в ярла Эйлифа [28].

Российский исследователь В. Пашуто на основе огромного количества аккумулированного и систематизированного материала сделал достаточно объективные выводы о том, что к концу XII вв. в древнерусской дипломатии наблюдаются устоявшиеся тенденции заключения международных союзов [58, с. 12]. Одним из таких примеров, международные связи двух княжеских группировок: волынского-смоленской и суздальско-галицкой. Если первая концентрировала свое внимание на союзах с Польшей и Венгрией, Чехией и частично с Германией (Священной Римской империей), то вторая налаживала дружеские отношения с Византийской империей [58, с. 145, 152, 167, 189].

Действительно, в 40-х гг. XII в., во время борьбы Юрия Владимировича за Киевский престол, суздальско-галицкий группировка ориентировалась на союз с Византией, в то время как Польшу, Венгрию, Германию (династия Штауфенов) поддерживало Волынское княжество в лице Изяслава Мстиславича. Эта поддержка заключалась в военной помощи волынскому князю, особенно в битве под Луцком 1149 г. Летописец фиксирует, что от руки «Единого от немчичь» [64, с. 325] чуть не погиб старший сын Юрия Андрей (Боголюбский). Немцы, однако, были основной надеждой Изяслава, призывы которого звучали, в первую очередь, к венгерским, польским и чешским правителям, с которыми князь находился в

близких родственных отношениях: «Изяславъ жєсть пришедь во Володимеръ поча ся Слати въ Оутри къ зятю своему королеве и в Ляхии къ своем Болеславу и Межце и Индрихове и к Ческому князю свату своем Владиславу просите оу нихъ помощи ...». [64, с. 383] Данный факт фиксирует также В. Татищев: «... А также послал в Польшу к свату своему Болеславу, и Андрею чешскому, и ко Владиславу Шлонскому ...» [75, с. 327], на что он получает положительный ответ: «Чешский князь рече объема а я готов есмь сам Полки Своим» [64, с. 385], за что «Изяслав же является поят посла сли ... в Чехи с дари великими и с честью» [64, с. 385]. Хорошо известно, что в 1148, возвращаясь из Второго Крестового похода, чешский король Владислав II (1140-1172 гг.) передвигается по территории России. Данный факт был зафиксирован лишь в «Анналах» Викентия Парижского: «*Predictus autem dux per Ruziam ad propria remeans ...*» [110, s. 663]; однако это упоминание не вызывает сомнений со стороны исследователей. Путь из Святой Земли через Константинополь и Киев (тот же путь с «варяг в греки») был хорошо известен не только Владиславу, но и норвежцу Сигурду.

Из летописи неизвестно, действительно ли Владислав II помогал Изяславу в его внутренней борьбе, поскольку летописец больше ничего, связанного с этим, не фиксирует. Опираясь данными фактами, М. Грушевский акцентирует внимание на том, что чешский король пообещал помощь, но на обещании все и закончилось [19, с. 162] Другого мнения придерживается К. Грот, заявляя, что Изяслав получил обещанную военную поддержку, а известный славист А. Флоровский рассматривает данный период как самый активный во взаимоотношениях между русичами и чехами [18, с. 28; 81, с. 67]. В. Пашуто как исследователь не имеет никаких сомнений, что о прочности русско-чешских отношений на самом деле – говорить не приходится, поскольку мы не имеем дополнительных источников, кроме фрагмента в более поздней «Хлебниковской летописи» где чехи упоминаются только в одном эпизоде [58, с. 184].

Как было на самом деле сказать сложно. Ведь для того, чтобы спасти свое положение, получив широкую поддержку со стороны уже упоминавшихся Венгрии, Польши и Чехии, Изяслав так и не смог удержать Киев, и был вынужден в 1149 г. осесть во Владимире.

На этом тематика не исчерпывается, поскольку существует еще ряд отдельных фактов о взаимосвязи русичей с крестоносцами Ближнего Востока. Они не связаны между собой, поэтому их изложение возможно только в виде определенного каталога свидетельств источников.

Под 1161 г в Ипатьевском летописном своде имеется интересное упоминание о бегстве младших сыновей Юрия Долгорукого в Византийскую империю в результате агрессивной политики Андрея Боголюбского: «... доста Гюргевица Царюгороду Мстислав и Василько съ матерью и Всеволода молодого пояша со собой третего брата и даст царь Василькова в дунай два горы а Мстиславу даст волость Отскалана» [64, с. 522].

Камнем преткновения между младшими Мономаховичами оказалась спор за Ростовскую землю. Эту территорию, как хорошо известно, Юрий оставил своим младшим сыновьям: Мстиславу, Василию и Михаилу. Однако старший – Андрей (Боголюбский), несмотря на волю отца, объединил эти земли в собственное «доменное» владения. Младших Юрьевичей в 1161 г. Андрей выгнал из русских земель, поэтому они были вынуждены искать счастья за рубежом. Превратившись в князей-изгоев, братья пытались искать защиты у Византийского императора Мануила I Комнина (1143-1180 гг.), покровительство которого они получили. Данный случай не был исключительным, согласно тексту летописи в Византию бежал и Михаил Юрьевич. Вот как об этом сообщает летописец: «... и Михалка князя удариша ратнии двема копьема в стегно, а третьим копцив в руку: но Бог отца эго молитва избавить эго от смерти, якоже и Подождите в Луце моря» [64, с. 526]. Эта летописная цитата иллюстрирует агрессивную политику Андрея Юрьевича против своих братьев и его претензии на гегемонию в «отчєнных» (родительских) землях. Он не оставлял никаких шансов своим кровным родственникам. О пребывании русских князей-изгоев на территории «ромейской империи» пишет византийский историк Иоанн Киннам под 1165 г.: «Владислав, один из обладателей Тавроскифьского государства (русская земля – В.М.) с детьми, женой и всеми своими людьми добровольно пришел к ромеям. Ему было отдано землю у Истра, которую когда-то василевс дал «Вася, сын Георгия (βασιλῆα ... τῷ Γεωργίου λαϊβί), который занимал важное место среди филарха Тавроскифьской земли» [38, с. 262].

Из этой цитаты можно сделать вывод, что Василько правил Придунайскими землями до 1165 г. находясь в тесных династических связях с византийским императором, русские князья-изгои часто получали убежище на территории самой Византии. Следует заметить, что в 1161 г. статус *persona non grata* получили не только Юрьевич, но и митрополит Новгородский Леонтий и Ростиславичи, которых Андрей Боголюбский вывел из своих земель. Понятно, что эти меры Андрея Юрьевича были необходимы для укрепления собственных внутренних позиций.

Оказавшись на территории Византийской империи, Юрьевичи получили в управление отдельные территориально-административные наделы, о чем фиксируется в единой летописном упоминании. В частности, назначение Мстислава Юрьевича (сына Юрия Долгорукого) наместником города Аскалона, которое принадлежало крестоносцам. Данное назначение стало возможным в результате активной внешнеполитической деятельности византийского императора Мануила Комнина (1143–1180 гг.) и Иерусалимского короля Балдуина (1143–1162 гг.).

Судьба Мстислава была достаточно интересной: начнем с того, что ему не удалось получить убедительных позиций в иерархической лестнице младших Мономаховичей (Юрьевичей) и закрепиться в собственной «отчине». В 1149 г. Мстислав вместе с Глебом княжил в Суздальской земле; в 1150 г. Володимирко Галицкий ставит его наместником в Пересопницы, откуда он, по настоянию отца едет в Киев. Начиная с 1155 г. по 1157 г. Мстислав княжил в Новгороде, где женился на дочери местного боярина Петра Михалковича [8, с. 653]. Об этом свидетельствуют новгородские актовые печати, найденные В.Л. Яниным. На них Св. Феодор изображен с копьем в правой руке и щитом в левой [84, с. 198]. Из этого можно сделать вывод, что после крещения имя Мстислава было Федор. В отличие от Андрея, Мстиславу не удалось отличиться во время борьбы Юрия за Киев. После смерти отца вместе с братьями он был вынужден искать убежища за пределами русских земель.

После отъезда в «волость Отскалана» упоминания о Мстислава (Федора, Theodora) Юрьевича обрываются. Мы не находим его имени в актовых источниках Иерусалимского королевства «*Regesta rehni Hierosolymitani*» [108]. Следует отметить, что данный документ сохраняет перечень всех лиц, которые были причастны к управлению не только *comitis Ascalonitani*, но и всего государства. Это, на наш взгляд, могло быть обусловлено двумя причинами: во-первых, Мстиславу не позволили отстоять предоставленные ему полномочия; во-вторых, его имя специально исключили из «*Regesta rehni Hierosolymitani*» в рамках борьбы латинян с Мануилом. Официальная регистрация имени Мстислава в актовых документах Иерусалимского королевства подтверждала бы гегемонию (превосходство) византийского императора, ведь он был не просто ставленником Мануила, но и, скорее всего его родственником.

Согласно двусторонним договоренностям между Византией и латинскими крестоносцами, король Иерусалимского королевства признавал вассальное превосходство византийского императора. Он обязывался возвращать все освобожденные им земли к владениям Византийской империи, получая от Василева помощь в борьбе против арабов. Условия данного соглашения часто нарушались как византийцами, так и латинянами, что в итоге привело к возникновению на территории Ближнего Востока в середине XII в. сложных геополитических противоречий. Очередное соперничество развернулось вокруг египетского города Аскалон, завоеванного в арабов Иерусалимским королем 19 августа 1153 г. Византийский император Мануил Комнин сохранял свои претензии на данные территории, поскольку его племянница Феодора в 1158 г. стала женой Балдуина. Для того, чтобы укрепить свои позиции на территории «*comitis Ascalonitani*» Мануил в 1161 г. отправляет в Аскалон Мстислава Юрьевича. Предлагая «Мстиславу волость «Отскалана», Мануил рассчитывал сохранить свои весомые влияния в Иерусалимском королевстве.

Еще одним доводом в пользу данной гипотезы является упоминание в той же таки Киевской летописи, где автор констатирует: «Месяц сентября 2 нь тма бы по всей земле яко же является дивитися всем члвеком Солнце так погибе а небо сторят облака огнзарними таковая знамения нэ к добру Бива в той потому нь того Месяц взять бил Иерусалим безбожными Срацины» [64, с. 655]. Известно, что Святой Город был захвачен Саладином (1169–1193 гг.) 2 октября 1187 г. Стоит принять во внимание тот факт, что именно 2 сентября

1187 г. («сентября 2 нь») упал город Аскалон, где был наместником русский князь-изгой Мстислав, после чего все его жители перебрались в Иерусалим. Это, по нашему мнению, и привело к фактологической ошибке летописца, поскольку Аскалон имел в стратегическом смысле не менее важное значение, чем сам Иерусалим.

Данные утверждения в определенной степени являются гипотетическими, ведь, кроме упоминания в Ипатьевской летописи, никаких параллельных показаний в латинских и византийских источниках нет. Итак, учитывая выявленные династические связи и внешнюю политику Мануила эти предположения не выпадают из общего контекста русско-византийских и русско-палестинских отношений, хотя, разумеется, однозначно доказать или опровергнуть их в позитивистском контексте будет невозможно без привлечения новых источников, которые четко бы обозначили данный аспект.

Во второй половине XII в. военно-политическая ситуация на Ближнем Востоке очередной раз обострилась в связи с тем, что мусульманам под руководством Саладина удалось снова отвоевать Иерусалим (1 октября 1187 г.). Это привело к новой консолидации христианских государств Запада против арабских халифов Ближнего Востока. Киевская Русь не могла не реагировать на такие события, ведь, по словам летописца, «солнце так погибе а небо сторгят облака огнезарними таковая потому знамения нэ во благо бывають в то потому нь того Месяц взять бил Иерусалим безбожными Срацины ...» [64, с. 655]. Как видим, автор выражает свое разочарование по поводу потери христианами (католиками) Святого Города и осквернение неверными святым местам. Автор опасается негативных последствий (наказания Всевышнего) того, что: «преда Господь святой град Иерусалим беззаконным темь агарян», в его понимании падения «Святого Града» – это кара Божья за совершенные человечеством грехи и невыполнение воли Всевышнего. Оккупация сарацинами Святой Земли привела к потере христианами своей главной Святыни – Гроба Господня. Резонансом данных событий стало затмение солнца, чем символически на Руси обозначали самые большие трагедии: «в Галич яко и Звезды видвити серед дни солнцю померкшы» [64, с. 655].

С латинских хроник, посвященных этим событиям, хорошо известно, что организаторами очередного похода за освобождение Иерусалима выступили три западноевропейские монархии: немецкий – Фридрих I Гогенштауфен (1152–1190 гг.), английский – Ричард I Львиное Сердце (1189–1199 гг.) и французский – Филипп II Август (1180–1223 гг.). Фигура немецкого императора была довольно популярной на Руси, о чем упоминается в Ипатьевской летописи: «В то же является Лето (1189 – В.М.) иде царь немецкий (Фридрих Барбаросса – В.М.) со всею своей землею битися за Гроб господин проявите потому бяшетъ объема агтель господин веляше и те, и пришедшимъ имъ и бющимся Крепкий с богостоудными тем агарян» [64, с. 665]. Одновременно у В. Татищева говорится: «В то же лето (1190) император пошел в Палестину с большими войсками для взятия Иерусалима и Гроба Господня из рук сарацинских» [75, с. 430]. Русский летописец, что перепевает западного хрониста, который фиксирует: «И помог Бог императору Римскому Фридриху вырвать Святую Землю из рук сарацин, что глумились над христианами, и дал им отвагу неукротимой и порыв к мести» [53а, с. 49-50]. Немцы в воображении русского летописца выступают, «яко мученици святыя прольяха кровь свою за Христа со цари Своим в сих ибо Господь Бог наш знамение проявления ...» [64, с. 667]. Анализируя цитату, можно вполне объективно утверждать, что на Руси хорошо знали о событиях данного крестового похода, но странным остается отсутствие каких-либо свидетельств о «славных деяниях» Ричарда и Филиппа. Таким образом, наряду с главными двигателями крестовых походов в этих строках нашли свое отражение и военно-политические связи Юго-Западной Руси с европейскими монархами.

В отечественной и зарубежной историографии также существует ряд гипотез о близких отношениях галицкого князя Ярослава Володимирковича Осмомысла (1153–1187 гг.) с германским императором. О сближении Ярослава и Фридриха Гогенштауфена выдвигал предположения В. Абрахам, ссылаясь на Оттона Фрейзенгерского: «Ubi rex Voenorum qendam de regulis Ruthenorum suae praesentiae obtulit, eiusque illum ditionis subiecit» [106,

s. 492]. Автор отмечал, что Ярослав вместе с чешским королем взял вассальные обязательства по отношению к Фридриху Барбароссе [87, s. 90] С данным утверждением польского историка трудно согласиться, так как в источнике кроме многозначности, ничего больше не наблюдается, на что в свое время обратил внимание М. Грушевский [19, с. 442], а также такие известные украинские историки, как Н. Полонская-Василенко [66, с. 164], М. Котляр [43, с. 92] и др.

Вообще нужно отметить, что Ярослав Осмомысл вел широкую дипломатическую работу, четко направленную на укрепление внутренних позиций Галицкого княжества, а стратегическое партнерство с иностранными государствами давало князю весомые дивиденды в междоусобной борьбе внутри Киевской Руси. Подтверждением этому является упоминание в «Слове о полку Игореве»: «А ты Осмомысла Галицкие! Высоко сидишь на Своем златокованом Престоле. Ты подпер горы Венгерския Своим полками железными, ты заградил путь Королю, ты затворил Дунаю ворота, бросая тягость чрез облака и постирая власть свою в тот реки! Грозное имя твое рознеслось по всей земле; отверть тебе путь к Киевом, стреляеши сь отня злата стола Салтан за землями. Стреляй Господне, Кончака плохого кощя» [33, с. 21].

Эти строки коротко иллюстрируют масштабы экспансионистских претензий Ярослава и его успехи в борьбе с соседними восточноевропейскими государствами. В более широком контексте внешнеполитическую активность Осмомысла видел тот же В. Татищев: «Сей князь бил честен и славен во всех землях. Сам на войну нэ ходил, но войска эго посылали в помочь втором, яко венгром, поляком и русских князей с воеводами. Со всеми княз жил в любви ...», и далее: «никто не смел на него нападать, так как воеводы, непрестанно грекам, венгры и чехам помагая, Искусные в воинство и храбрый в битве были» [75, с. 143]. Приведенные свидетельства дают более широкое объяснение международной политике Ярослава, но не расходятся с записями Киевской летописи, где в панегирике Ярославу летописец лаконично, однако четко и точно, фиксирует, что «... и славень полки где так бяшень объема (Осмомыслу – В.М.) обида» [64, с. 655].

Рассматривая цитату «Слова о полку Игореве» в контексте обозначенной темы публикации, весьма важным является фрагмент, где речь идет о том, что Ярослав «стреляеши сь отня злата стола Салтан за землями» [33, с. 21]. Противоречивый характер происхождения сентенции вызвал острые дискуссии среди историков-славистов. Так, Д. Дубенский высказал предположение, что «Салтан за землями» – это мусульмане (арабы), а «стреляеши сь отня злата стола» – участие Осмомысла в походе 1189-1190 гг. [29, с. 158-160]. Существительное «Салтане», бесспорно, имеет арабские корни [3, с. 156-157], совпадая с титулом «sultan» через промежуточную форму «soltanъ». Но это не дает никаких оснований привлекать Осмомысла к участникам Третьего крестового похода. На наш взгляд, важно учитывать тот факт, что Ярослав умер 1 октября 1187 г., ведь летописец констатирует: «Того же является Лета преставися Галичкий князь Ярослав» [64, с. 656]. То есть, его смерть наступила до начала военной кампании 1189 г., из этого следует что он не мог сопровождать Фридриха. Князь вообще физически не имел возможности к ведению войны: с фундаментальных медико-антропологических исследований ископаемых XII в. из Успенского Собора Галича-Крилоса, сделанных С. Горбенко, можно узнать, что князь: «страдал болезнью Пертеса (тяжелое заболевание суставов – В.М.), которая с возрастом осложнилась деформирующим остеоартрозом правого коленного сустава, лордозом и сколиозом ...» [13, с. 94], тяжело болен, Галицкий князь «сам нэ ходяшеть полки Своим» [64, с. 655].

Несмотря на господствующий в исторической научной литературе скепсис, следует отметить: галицкие воины могли отличиться в составе немецкой армии во время похода 1189–1190 гг. Ведь хорошо известно, что галицкий князь Владимир сын Ярослава после смерти отца 1187 г. признал вассальную зависимость от Фридриха. В частности, он обязывался платить последнем ежегодно по 2000 гривен серебром [64, с. 696; 75, с. 429]. Такой союз был необходим молодому князю в борьбе за отцовский стол в Галиче против венгерского ставленника Андрея (Эндре, Андраш, II, 1205–1235) и Волынского князя Романа Мстиславича (1170–1205) [64, с. 696]. Как отмечается в Ипатьевской летописи, «... царь жесь оуведавъ оже есть сестричич великому князю Всеволод Соуждальскому и Прия эго с

любовь и с великою честью» [64, с. 666.]. Если предположить, что имя Всеволода Суздальского (1154–1212 гг.) действительно имело такой вес в Германии, то даже это не побудило Фридриха I к борьбе за Волынское наследство. Военную помощь Владимиру он поручил передать своему вассалу, польскому королю Казимиру Справедливому: «Казимир жещь приставать к Немой моужь свои Миклая и посла эго в Галич. Галичкыйи моужи стретоша эго с радостью великою ...» [64, с. 666.]. Став вассалом Гогенштауфена, Владимиру удалось вернуть себе родительский стол. В данном контексте «Великопольская хроника» подтверждает: «Ведь тот самый Николай назначенный его светлостью первым сановником при дворе, совместно с могущественными силами паннонцев храбро одерживает победу над сыном короля венгров и изгоняет его, изгнанника же Владимира восстанавливает в Галицком королевстве» [5, с. 124]. Вернувшись в свои владения, Владимир получил возможность отправить часть своей дружины на помощь германскому императору. Данную точку зрения разделяют также известные украинские историки М. Котляр и А. Масан предполагая, что будучи вассалом императора, Владимир мог вместе с галицкой женой участвовать в Третьем крестовом походе. Что отобразилось в народном фольклорном источнике древней буковинской песне, где идет речь о:

«Гей мала вдова одного сина,
Та дала его до Єрусалиму.
Чикає його рочок ци иде синочок;
Чикає и другий, чи іде син любий
На третій рочок іде синочок,
А з ним укупці йде невісточка».

Согласно этим строкам, сына не было дома три года. Как известно, только Первый (1096–1099 гг.) и Третий (1189–1192 гг.) Крестовые походы продолжались более трех лет. Ряд исследователей (в частности А. Федорук) считают, что в балладе не может идти речь о Первом крестовом походе, ведь его организовали французы, к которым русичи не имели в те времена никакого отношения [80, с. 46]. Резюмируя изложенный материал, нужно заметить следующее: связи русичей с участниками Первого крестового похода все же прослеживаются, тем не менее, в буковинской песни, скорее всего, воспевается Третий крестовый поход, ведь судя по тексту, сын привел с собой женщину, скорее всего мусульманку. Что распространяется в христианской западноевропейской практике лишь к концу XII в., подтверждая нашу гипотезу об участии русичей в военной кампании организованной Фридрихом.

Таким образом, Ярослав в данном случае не имеет отношения к Третьему крестовому походе, а проблема происхождения сентенции «Салтан за землями» остается открытой.

Осуществляя текстологический анализ «Слова о полку Игореве», Д. Лихачев [48, с. 443-444], Н. Мещерский [53, с. 471], Л. Гумилев [21, с. 254] А. Майоров [50, с. 233-234] пришли к единодушному выводу, что под «Салтан за землями», следует понимать половцев, а не арабов, как это доказывал Д. Дубенский. Скажем, изучая социальные группы в половцев, С. Плетнева, опираясь на «Codex Cumanicus», сделала вывод: «Солтани» – это титул, которым пользовались руководители отдельных орд. В данном контексте, интересно вспомнить случаи, когда половецких «Солтан» русские летописцы отождествляли с «лешими князями» [61, с. 131-132]. Однако в таком случае, непонятным становится контекст цитаты, в которой автор упрекает Галицкого князя в пассивности во время борьбы с половцами, ведь, осуществляя экспансионистские меры, князь забывает об обороне территорий Киевской Руси. Одновременно в «Слове о полку Игореве» звучат призывы вроде «стреляй Господне, Кончака плохого кощя». Поэтому, если «Салтан за землями» – половцы, то какую же тогда цель ставил перед собой автор повести? Кроме того, применяемая форма «Салтан» как общественный или военное положение в тюркских племенах не имеет никаких прецедентов использования в древнерусских письменных источниках XII в. Подобная упоминание содержится и в вышеупомянутых половецком словаре «Codex Cumanicus», однако оно ближе к XIV в.

Оригинальное видение по этому поводу имеет английский историк Э. Кинан. «Салтане», по его мнению, – это ошибка переписчика (возможно графа Мусина-Пушкина), который при копировании текста вместо окончания «оу» или «в» принял «я». В свете сказанного, «Салтан» – это не существительное, удостоверяющий военно-социальное положение, а прилагательное «s altany» [38, с. 270-271]. Приводя аналогии со старочешским и староитальянскими (тосканским) языками, автор трактует «s altany» как высокий удаленный золотой трон Осмомысла, что резонирует с содержанием повести. Данная точка зрения не может быть принята, поскольку это приводит к полному пересмотру датировки и подлинности «Слова о полку Игореве» как русского письменного источника XII в.

Несколько логичней была бы попытка сопоставить «Салтан за землями» с турками-сельджуками. Поводом для этого стало предположение об участии войск Ярослава в битве под Мириокифалом 17 августа 1176 г. Как уже отмечалось, Осмомисл проводил активную внешнюю политику, поэтому мог оказывать военную помощь византийскому императору Мануилу Комнину, с которым князь был в хороших отношениях. Последний – потерпел сокрушительное поражение от Конийского (Румского) султана Килич-Арслана II (1156–1192). Данная гипотеза хотя и не имеет конкретных подтверждений в источниках, однако органично вписывается в содержание цитаты. То есть, если «Салтан за землями» – турки, то вполне понятными становятся слова летописца: «... стреляеши съ отня злата стола Салтан за землями. Стреляй Господне, Кончака плохого кощея». Автор «Слова о полку Игореве» не только возносит успехи князя, но и пытается корректно намекнуть ему на разгром 1077 г. и обратить внимание Осмомысла на половецкую угрозу со стороны «Кончака поганого кощея». Вместе с тем, звучит и призыв к борьбе против собственного врага – половцев.

Таким образом, резюмируя приведенный текстуальный материал можно отстаивать мнение, что отождествление словосочетание «Салтан за землями» с половцами неуместно, поскольку его содержание не вписывается во временные и смысловые рамки «Слова о полку Игореве» как письменного источника XII в. Наиболее вероятным, по нашему мнению, является уже упоминавшееся предположение московского исследователя А. Назаренко – оно более логично связано с общим контекстом цитаты и соответствует географии внешнеполитической деятельности Ярослава.

Обобщая изложенный материал, целесообразно подчеркнуть, что калейдоскоп взаимосвязей удельных русских князей с крестоносцами формировался, с одной стороны, на идеях общехристианской солидарности в борьбе против неверных, с другой – на поисках внешних активов во внутренней борьбе за власть. Отсутствие общего вектора в международной политике и нестабильность государственного строя помешали русичам принять более активное участие в крестоносном движении на Ближний Восток. В данном случае речь не идет о религиозной нетерпимости, в связи с тем, что хорошо известно из русских летописей позитивное восприятие идеи Освобождение Гроба Господня и сочувствие его организаторам. Несмотря на это, можно утверждать: данные отношения представляют немалый органический слой в практике древнерусской дипломатии XII – начале XIII в.

События Четвертого Крестового похода (1202–1204 гг.), Который закончился падением Константинополя имели решающее значение для развития средневековой цивилизации, поскольку впервые идея «крестового» движения на Ближний Восток за освобождение Гроба Господня была абсолютно нивелирована. Латинские крестоносцы (католики) уничтожили и ограбили столицу Византийской империи, убивали население Константинополя, уничтожали христианские святыни. Эти события вызвали большой резонанс в Киевской Руси, о чем свидетельствуют убедительные выводы Н. Карамзина [36], Ф. Успенского [79], С. Лучицкой, Д. Лихачева [48]. П. Бицилли, Мещерского [53] и др. По этому поводу, Д. Лихачев отмечал, что когда в 1204 г. крестоносцы захватили Константинополь, это событие глубоко потрясла Русь. Подтверждением данных мыслей нужно отметить, что события Четвертого Крестового похода наиболее подробно описаны в древнерусских письменных источниках XIII в. в частности в «Повести о взятии Царьграда фрягами». Тем не менее, на сегодня остаются неисследованы отдельные проблемные моменты. В данном случае речь идет о дискуссии вокруг побега византийского императора Алексея Ангела к

галицко-волыньскому (в отдельных работах галицко-владимирскому) князю Роману Мстиславичу после захвата крестоносцами Константинополя.

В историографии существует несколько противоположных точек зрения на вышеупомянутое событие. Таким образом, предметом нашего дальнейшего рассмотрения будут маршруты-перемещения Алексея III после его побега из Константинополя согласно греческим и латинским источникам. По своему характеру, ключевая информация о беглеце достаточно фрагментарна, ведь его судьба мало интересовала хронистов. В частности, Никита Хониат сообщает о том, что во время первого штурма Константинополя (июнь – июль 1203 г.) император бежит в город Дельвет (Фракия) [83, с. 223], отсюда в надежде вернуть себе престол он захватил г. Адрианополь, откуда его вытеснил племянник [83, с. 233]. Далее автор, отслеживает пребывания Алексея в Лариссе (Фессалия), где экс-император объединился со своим зятем Львом Згуря, который имел небольшие владения в Палестине [83, с. 290]. Учитывая успешное наступление Бонифация Монферратского, Алексей III попытался скрыться в Темпейской долине [83, с. 292], однако ему это не удалось. Беглец попал в плен и был сослан Бонифацием в маленький городок Альмир [83, с. 294], название которого свидетельствовало о нелегкой судьбе императора (Альмир – горький соленый). В дальнейшем Никита Хониат описывает позорную расправу над Алексеем, которого Бонифаций высылает к королю алеманов [83, с. 302], хронист выражает свое возмущение по поводу такого поступка [83, с. 312].

Другой византийский историк Георгий Акрополита (1217-1282 гг.) Предлагает собственную версию мытарств Алексея III, после побега из Константинополя он останавливается в г. Филлиполь, который находился на территории Македонии, поскольку жители этого города его прогнали, он вынужден был ехать в г. Мосинополя, где по словам хрониста, беглец сумел ненадолго утвердиться. Впоследствии император отправляется в г. Солунь (Фессалоники), откуда был изгнан Бонифацием. Сначала Алексей намеревался отправиться в Коринф, однако опасаясь нападения со стороны латинян решил податься в Эпир, к своему двоюродному брату Михаила. По дороге, за словами Акрополе, на него напали лангобарды, однако император сумел откупиться. Алексей недолго находился у Михаила, впоследствии он отправился к своему союзнику Иконийскому султану Ятатине на стороне которого весной 1211 г. он участвовал в битве при Антиохии на р. Меандре (Малая Азия) против Федора Ласкари.

После поражения, Феодор схватил Алексея и взял с собой в Никею сняв с него все царские знаки и посадил в монастырь Иакинфа, где тот и умер. Дополнением к этим свидетельствам есть упоминания другого византийского историка этого периода Никифора Григора. По его словам, после побега из Константинополе Алексей III бродил по территории Фракии до тех пор пока не попал в плен к маркграфу Монфераньскому. После поражения при Меандре Алексея схватил, по словам Никифора, его зять Феодор и «постригши в монахи» отправил в Никею [17, с. 40].

Таким образом, следует подчеркнуть, что византийские историки предоставляют достаточно подробную информацию о передвижении изгнанника по территории Византии, однако достаточно фрагментарно и расплывчато фиксируют его пребывания в плену у маркграфа Монферратского. О пребывании экс-императора в латинян описывают латинские историки, в частности Жоффруа де Виллардуэн. Автор сообщает, что во время первого штурма города 1203 г. Алексей забрал свои драгоценности и деньги бежал из Константинополя, далее автор говорит о перебивании Алексея в Мессинополи. Здесь экс-император долго не задержался. Далее Жоффруа де Виллардуэн вспоминает о Алексие, когда его захватил в плен Бонифаций Мнферратський и заключил в своих владениях замка Монферрат. О пребывании Алексея в плену у графа Монферратского вспоминают и латинские источники «Генуэзские анналы» и Салимбене. В обоих источниках под 1205 г. годом есть информация о том, что пленного Алексея III Ангела был заключен в доменных владениях графа Монферратского [88, s. 123; 93, s. 25].

Анализируя вышеприведенный материал можно резюмировать: во время первого штурма Константинополя 1203 г. Алексей III покидает город. В течение 1203–1205 гг. он скрывается в различных местах Византийской империи, впоследствии, с 1205 г. он находился в плену у Бонифация графа Монферратского. Примерно в 1210 г., экс-император

бежит к своему союзнику, султану Гипс-эд-дин-Кей-Хюсреваог на стороне которого участвует в битве на р. Меандр в 1211 г. После поражения Алексей III был заключенный и пострижен в монахи.

Учитывая изложенный материал, нужно констатировать тот факт, что Алексей III Ангел ни в коем случае не мог находиться в Романа Мстиславича, ведь об этом нет никаких упоминаний в показаниях современников тех событий. В данном случае уместно вспомнить то, что даже достаточно компетентный автор «Повести о взятии Царьграда фрягами» ни разу об этом не обмолвился. Таким образом, проблема происхождения данной гипотезы остается актуальной.

Заключение

Подводя итог, следует отметить тот факт, что военно-политические связи русских князей с крестоносцами носили преимущественно симптоматический характер. Однако, такая тенденция не исключает возможности самых связей, а лишь свидетельствует в их пользу.

Примечания:

1. Айналов Д.В. Некоторые данные русьских летописей о Палестине // Сообщения ППО. 1906. Т. 17. С. 312-372.
2. Александров Д.Н. Феодальная раздробленность Руси. М.: Экслибри-Прес, 2001. 480 с.
3. Баскаков Н.А. Тюрская лексика в «Слове о полку Игореве». М., 1985. 236 с.
4. Васильев А.А. Византия и крестоносцы. СПб.: АCADEMIA, 1923. 120 с.
5. Великая хроника о Польше, Руси и их соседях XI-XIII вв. М., 1987. 260 с.
6. Веневитинов М.А. Заметки к истории «Хождения» игумена Даниила // Журнал Министерства народного просвещения. 1887. Январь. С. 11-67.
7. Водовозов Н.В. «Хождение» Даниила и Первый Крестовый поход // Ученые записки Московского государственного педагогического института имени В.И. Ленина. М., 1962. С. 16-35.
8. Войтович Л. Князівські династії Східної Європи (кінець IX – початок XVI ст.): склад, суспільна і політична роль. Львів, 2000. 816 с.
9. Глушакова Ю.П. О путешествии игумена Даниила в Палестину // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. Сборник статей к 70-ти летию М.Н. Тихомирова. М.. 1963. С. 70-92.
10. Головки О.Б. Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X – первой трети XIII вв. К.: Наукова Думка, 1988. 135 с.
11. Головки О.Б. Князь Роман Мстиславич та його доба: Нариси з історії політичного життя Південної Русі XII – початку XIII ст. К.: Стило, 2001. 249 с.
12. Головки О.Б. Корона Данила Галицького: Волинь і Галичина в державно-політичному розвитку Центрально-Східної Європи розвинутого та класичного середньовіччя. К.: ВД Стило, 2006. 575 с.
13. Горбенко С.О. Ярослав Осмомисл – реконструкція антропологічна та історична. Львів-Винники, 1996. 269 с.
14. Грабовецький В. Ілюстрована історія Прикарпаття. З найдавніших часів до першої половини XVII ст. Т. I. Івано-Франківськ: Нова Зоря, 2002. 426 с.
15. Грабовецький В.В. Столиця Ростиславичів і Романовичів у міжнародних відносинах XII-XIII століть (до 1100-річчя заснування Галича) // Вісник Прикарпатського університету. Серія історичні науки. 1998., Вип. 1. С. 3-13.
16. Грабовецький В. Галич – столиця Ростиславовичів і Романовичів у міжнародних взаєминах XII-XIII ст. // Галич і Галицька земля. Збірник наукових праць. Київ-Галич, 1998. С. 41-46.
17. Григора Никифор. Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т. 1 (1204-1341 гг.). Рязань: Александрия, 2004. 446 с.
18. Грот К. Из истории Угрии и славянства в XII веке. (1141-1173 pp.). Варшава, 1889. 345 с.
19. Грушевський М.С. Історія України-Руси. Т. 2. К.: Наукова думка, 1992. 633 с.
20. Грушевський М.С. Історія України-Руси. Т. 3. К.: Наукова думка, 1993. 586 с.

21. Гумилев Л.Н. В поисках вымышленного царства. М., 1992. 581 с.
22. Данилов В.В. К характеристике «Хождения» игумена Даниила // ТОДРЛ, 1954. Т. X. С. 92-105.
23. Дашкевич Н. Княжение Даниила Галицкого по русским и иностранным известиям. К., 1873. 156 с.
24. Джаксон Т.Н. Брачные связи в средневековой Скандинавии (датские правители XI – середины XII века по «Саге о Кнютлингах») // Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования. 2002 год. Генеология как форма исторической памяти. М.: Восточная литература, 2004. 95-102.
25. Джаксон Т.Н. Елизавета Ярославна, королева норвежская // Восточная Европа в исторической ретроспективе: К 80-летию В.Т. Пашуто. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 63-72.
26. Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о русско-скандинавских матримониальных связях // Скандинавский сборник. 1982. № 27. С. 34-61.
27. Джаксон Т.Н. На Восток в Хольмград: Балтийско-волховский отрезок пути из варяг в греки // Родина. 2002. № 11-12.
28. Джаксон Т.Н. О скандинавских браках Ярослава Мудрого и его потомков. Режим доступа: http://www.geocities.com/hennadiy_udovenko/news/20040223.html.
29. Дубенский Д. Слово о плъку Игореве Святъславля пестворца старого времени // РД. М., 1844. Ч. III. С. 121-148.
30. Егерс Е.В. Крестовые походы и государства крестоносцев // Солдат: военно-исторический альманах. 1999. С. 1-132.
31. Эпоха крестовых походов / под ред. Э. Левисса и А. Рамбо. М.: АСТ; СПб.: Полигон, 2005. 1086 с.
32. Заборов М.А. Известия русских современников о крестовых походах // Византийский Временник. 1971. Т. 31. С. 72-91.
33. Историческая песнь о походе на половцев удельного князя Новгорода-Северского Игоря Святославича, писаная старинным русским языком в исходе XII столетия. М., 1800. 54 с.
34. История Норвегии. М.: Наука, 1980. 512 с.
35. Каждан Н.М. Освобождение Болгарии из-под византийского ига // Вопросы истории. 1973. № 11. С. 124-134.
36. Кармазин Н. История государства Российского. В 3-х кн. Кн. 1. Спб.: Кристал, 2003. 704 с.
37. Киннам И. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов (1118–1180 гг.). Рязань: Александрия, 2003. С. 9-237.
38. Кінан Е. Російські історичні міфи. К.: Критика, 2001. 451 с.
39. Князький И.О. Византия и кочевники южнорусских стезей. СПб.: Алтея, 2003. 181 с.
40. Комнина А. Алексиада. М.: Наука, 1965. 687 с.
41. Коструба Т. Вибрані твори. В 2-х тт. Торонто, 1956. Т. II. 304 с.
42. Котляр М.Ф. Історія дипломатії Південно-Західної Русі. К., 2002. 361 с.
43. Котляр М.Ф. Південно-Західна Русь в європейській політиці XII-XIII ст. // Україна в Центрально-Східній Європі. Вип. 3. К.: Інститут Історії України НАНУ, 2003. С. 23-98.
44. Котляр М. До питання про втечу візантійського імператора в Галич у 1204 р. // Український історичний журнал 1966. С. 112-117.
45. Кульчицький В., Тищик Б., Бойко І. Галицько-Волинська держава (1199-1349 рр.). Львів, 2005. 316 с.
46. Кучкин В.А. Чудо Св. Пантелеймона и семейные дела Владимира Мономаха // Розсип в средние века и новое время: Сборник статей к 7-летию чл.-кор РАН Л.В. Милова. М., 1999. С. 12-43.
47. Лихачев Д.С. Исторический и политический кругозор автора «Слова о полку Игореве» // ТОДЛ, 1950. С.18-34.
48. Лихачев Д.С. Комментарий // Слово о полку Игореве / Под. ред. В.П. Адриановой-Перец. М.-Л., 1950. 432 с.
49. Літопис Руський / Пер. З давньоруського. Л.С. Махновця. К.: 1989. 591 с.

50. Майоров О.В. Галицко-Волынская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. СПб.: Университетская книга, 2001. 640 с.
51. Масан О. Участь українців у хрестови похода у Південно-Східну прибалтику та на Близький Схід у XII-XIII ст. // Міжнародний науковий конгрес «Українська історична наука на порозі XXI ст.» Чернівці, 2001. Т. 1. С. 27-41.
52. Менгерс К.Г. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л., 1979. 360 с.
53. Мещерский Н.А., Бурыкин А.А. Комментарий // Слово о полку Игореве / Сост. Л.А. Дмитриев, Д.С. Лихачев, О.В. Творогов. Л., 1985. 512 с.
54. Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. М., 2001. 636 с.
55. Назаренко А.В. О династических связях сыновей Ярослава Мудрого // Отечественная история. 1994. № 4-5. С. 181-194.
56. Назаренко А.В. Неизвестный эпизод из жизни Мстислава Великого // Отечественная история. 1993. № 2. С. 65-78.
57. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л.: АН СССР, 1950. 640 с.
58. Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. 645 с.
59. Пашуто В.Т. Русско-скандинавские отношения и их место в истории раннесредневековой Европы // Скандинавский сборник. 1970. Т. 15. С. 51-61.
60. Платонов А.И. Древнерусские паломники из среды духовенства и мирян // Сообщения ППО. 1906. Т. 17. Вып. 4. С. 304-359.
61. Плетнева А.С. Половцы. М., 1990. 205 с.
62. Полное собрание русских летописей Т. 6., Вып. 1. (Софийская летопись старшего извода). М.: Языки русской культуры. 2000. 581 с.
63. Полное собрание русских летописей. Т.1. (Лаврентьевская летопись). М.-Л., 1962. 325 с.
64. Полное собрание русских летописей. Т.2. (Ипатьевская летопись). М.: Языки славянской культуры, 2001. 648 с.
65. Полное собрание русских летописей. Т.1. Прибавление к Ипатьевской летописи. СПб., 1846. С. 230-373.
66. Полонська-Василенко Н. Історія України. Т. 1. К.: Либіть, 1995. 672 с.
67. Прокофьев Н.И. «Хождение» как жанр в древнерусской литературе // Учение записки МГПИ им. В.И. Ленина М, 1968. № 288. С. 3-18.
68. Рам Б.Я. Папство и Русь в X-XV вв. М., 1959. 412 с.
69. Рыбаков Б.А. Древняя Русь и русские княжества XII-XIII вв. М., 1982. 412 с.
70. Рыбаков Б.А. Политические идеи русских летописцев XII в. (Тезисы) // Польша и Русь. Черты общности и своеобразия в историческом развитии Руси и Польши XII-XIV вв. / Под ред. Б.А. Рыбакова. М.: Наука, 1974. С. 18-22.
71. Ришар Ж. Латино-Иерусалимское королевство. СПб.: Евразия, 2002. 447 с.
72. Сахаров А.Н. Основные этапы внешней политики Руси с древнейших времен до XV века // История внешней политики России XV-XVII век. М., 1989. 415 с.
73. Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». М.-Л.: Наука. Т. 1., 1965. 567 с.
74. Соловьев С. М. История Отношений между русскими князьями Рюрикова дома. М.: Астрель, 2003. 445 с.
75. Татищев В.Н. История Российская. Т. 2. М.: АСТ: Ермак, 2005. 735 с.
76. Толочко О.П., Толочко П.П.. Київська Русь. К.: Альтернативи, 1998. 352 с.
77. Толочко П.П. Київська Русь. К.: Абрис, 1996. 351 с.
78. Успенский Ф. Единого деда внуки: варяжские связи Рюриковичей // Родина. 2002. № 11-12. С. 143-147.
79. Успенский Ф.И. История Византийской империи. В 5 т. Т. 4. М.: Астрель; АСТ, 2005. 496 с.
80. Федорук А. Участь населення Буковини в хрестових походах на Близький Схід наприкінці XII – початку XIII ст. //Буковинський історико-етнографічний вісник. Чернівці: Золоті литаври, 2002. Вип. 4. С. 44-48.
81. Флоровский А. Чехи и Восточные славяне X-XVII веках // Вопросы истории. 1947. № 8. С. 67-73.

82. Флоря Б.Н. У истоков религиозного раскола славянского мира (XIII вв.). СПб.: Алтея, 2004. 215 с.
83. Хониат Н. История со времени царствования Иоанна Комнина. Т. 2. (1186–1206 pp.). Рязань: Александрия, 2003. 455 с.
84. Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси X-XV вв. Т. 2. М.: Наука, 1970. 324 с.
85. A history of the Crusades. Philadelphia University of Pensilvania press, 1955. 694 s.
86. Abicht R. Lied von Heerschaar Igorj's. Leipzig, 1985. 67 p.
87. Abraham W. Powstanie organizacyi kościoła łacińskiego na Rusi. Т. 1. Lwów, 1904. 418 s.
88. Annales Jenuenses // MGH SS. T. XVIII, 1863. S. 96-212.
89. Asbridge T. Pierwsza krucjata. Poznań Dom wydawniczy rebis. 386 s.
90. Balzer O. Geneologia Piastów. Kraków, 2005. 1020 s.
91. Baumgarten N. Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides Russes du X-e au XIII-e siècle // Orientalia Christiana. Roma. 1927. № 35. S. 74-95.
92. Brook Z.N. A history of Europe: from 911 to 1198. London, 1983. 543 p.
93. Cronika fratris Salimbene de Adam // MGH SS. XXXII, 1922. S. 1-128.
94. Dlugossii Joannes. Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae in 10 libros. Warszawa: PWN, 1973. Lib. 5-6. 432 p.
95. Ex historia regum Danorum dicta Knytlingasaga MGH SS. XXIX. S. 271-322.
96. Ihumena Daniela z ziemi ruskiej pielgrzymka do Ziemi Śwetej. – Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2003. 178 s.
97. Grala H. Tradycja dziejopisarska o pobycie władcy Bizancjum w Haliczu (Jan Długosz i kronikarz Hustyński) // Kwartalnik Historyczny. 1986. R. XCIII. № 3. S. 639-661.
98. Gultzdolff V. Киевская Русь между Скандинавией, Константинополем и латинским Иерусалимским королевством в начале в. // Международный съезд славистов: Резюме докладов и письменных сообщений. М., 1983. С. 526-527.
99. Kashdan A. Rus' – Byzantine Princely Marriages in the Eleventh and Twelfth Centuries // Harvard Ukrainian Studies. 1988/1989. Vol. 12/13. S. 414-429.
100. Kronika Marcina Bielskiego. Sanok, 1856. Т. I. 699 s.
101. Kronika Polska Marcina Kromera, biskupa Warmińskiego. Sanok, 1857. Т. I. 716 s.
102. Kugler B. Studien zur Geschichte des Zweiten Kreuzzuges. – Stuttgart, 1866. 223 s.
103. Li Estorie de Jerusalem et d'Antiohe // Recueil des Historiens des Croisades. Historiens Occidentaux. T. V. Paris: Imprimerie Nationale, 1895. 621-649 s.
104. Lozinskij G. La Russie dans la literature francaise du Mouen Age // RESI. Paris, 1929. T. IX. P. 241-296.
105. Orderici Vitalis Angligene coenobii uticensis monachi Historie Ecclesiastice // Patrologiae cursus completes. Series Latina. T. 188, Paris, 1890. Col. 1-986.
106. Ottone Frisingensi Gesta Friderici I Imperatoris // MGH SS. T. XX. S. 337-496.
107. Harris J. Bizancjum i wyprawy krzyżowe. Warszawa, 2003. 272 s.
108. Regesta rehni Hierosolymitani (MXCVII-MCCXCI). Oeniponti, 1893. 521 s.
109. Saxonis Gesta Danorum / Olrik J., Reader H. Haunia, 1931. Т. I. 520 s.
110. Vincentii Pragensis Annales // MGH SS. T. XVII. S. 654-576.
111. Semkowicz A. Krytyczny rozbiór Dziejów Polskich Jana Długosza (do roku 1384). Kraków: Nakładem Akademii Umijetnosci, 1887. 406 s.
112. Serczyk W. Historia Ukrainy. Wroslaw-Warszawa-Kraków, 2001. 427 s.

References:

1. Aynalov D.V. Nekotorye dannye rus'kikh letopiey o Palestine // Soobshcheniya PPO. 1906. T. 17. S. 312-372.
2. Aleksandrov D.N. Feodal'naya razdroblenost' Rusi. M.: Ekslibri-Pres, 2001. 480 s.
3. Baskakov N.A. Tyurskaya leksika v «Slove o polku Igoreve». M., 1985. 236 s.
4. Vasil'ev A.A. Vizantiya i krestonostsy. SPb.: ACADEMIA, 1923. 120 s.
5. Velikaya khronika o Pol'she, Rusi i ikh sosedyakh XI-XIII vv. M., 1987. 260 s.
6. Venevitinov M.A. Zametki k istorii «Khozhdeniya» igumena Daniila // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. 1887. Yanvar'. S. 11-67.
7. Vodovozov N.V. «Khozhdenie» Daniila i Pervyy Krestovyy pokhod // Uchenye zapiski Moskovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta imeni V.I. Lenina. M., 1962. S. 16-35.

8. Voytovych L. Knyazivs'ki dynastiyi Skhidnoyi Yevropy (kinets' IX – pochatok XVI st.): sklad, suspil'na i politychna rol'. L'viv, 2000. 816 s.
9. Glushakova Yu.P. O puteshestvii igumena Daniila v Palestinu // Problemy obshchestvenno-politicheskoy istorii Rossi i slavyanskikh stran. Sbornik statey k 70-ti letiyu M.N. Tikhomirova. M., 1963. S. 70-92.
10. Golovko O.B. Drevnyaya Rus' i Pol'sha v politicheskikh vzaimootnosheniyakh X – pervoy treti XIII vv. K.: Naukova Dumka, 1988. 135 s.
11. Holovko O.B. Knyaz' Roman Mstyslavych ta yoho doba: Narysy z istoriyi politychnoho zhyttya Pivdennoyi Rusi XII – pochatku XIII st. K.: Stylos, 2001. 249 s.
12. Holovko O.B. Korona Danyla Halyts'koho: Volyn' i Halychyna v derzhavno-politychnoho rozvytku Tsentral'no-Skhidnoyi Yevropy rozvynutoho ta klasychnoho seredn'ovichchya. K.: VD Stylos, 2006. 575 s.
13. Horbenko S.O. Yaroslav Osmomysl – rekonstruktsiya antropohichna ta istorychna. L'viv-Vynnyky, 1996. 269 s.
14. Hrabovets'kyi V. Ilyustrovana istoriya Prykarpattya. Z naydavnishykh chasiv do pershoyi polovyny XVII st. T. I. Ivano-Frankivs'k: Nova Zorya, 2002. 426 s.
15. Hrabovets'kyi V.V. Stolytsya Rostyslavychiv i Romanovychiv u mizhnarodnykh vidnosynakh XII-XIII stolit' (do 1100-richchya zasnuvannya Halycha) // Visnyk Prykarpats'koho universytetu. Seriya istorychni nauky. 1998., Vyp.1. S. 3-13.
16. Hrabovets'kyi V. Halych – stolytsya Rostyslavovychiv i Romanovychiv u mizhnarodnykh vzayemnykh XII-XIII st. // Halych i Halyts'ka zemlya. Zbirnyk naukovykh prats'. Kyiv-Halych, 1998. S. 41-46.
17. Grigora Nikifor. Rimskaya istoriya, nachinayushchayasya so vzyatiya Konstantinopolya latinyanami. T. 1 (1204-1341 gg.). Ryazan': Aleksandriya, 2004. 446 s.
18. Grot K. Iz istorii Ugrii i slavyanstva v KhII veke. (1141-1173 rr.). Varshava, 1889. 345 s.
19. Hrushevs'kyi M.S. Istoriya Ukrayiny-Rusy. T. 2. K.: Naukova dumka, 1992. 633 s.
20. Hrushevs'kyi M.S. Istoriya Ukrayiny-Rusy. T. 3. K.: Naukova dumka, 1993. 586 s.
21. Gumilev L.N. V poiskakh vymyshlennogo tsarstva. M., 1992. 581 s.
22. Danilov V.V. K kharakteristike «Khozhdeniya» igumena Daniila // TODRL, 1954. T. Kh. S. 92-105.
23. Dashkevich N. Knyazhenie Daniila Galitskago po russkim i inostrannym izvestiyam. K., 1873. 156 s.
24. Dzhakson T.N. Brachnye svyazi v srednevekovoy Skandinavii (datskie praviteli XI – serediny XII veka po «Sage o Knyutlingakh») // Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy: Materivly i issledovaniya. 2002 god. Geneologiya kak forma istoricheskoy pamyati. M.: Vostochnaya literatura, 2004. 95-102.
25. Dzhakson T.N. Elizaveta Yaroslavna, koroleva norvezhskaya // Vostochnaya Evropa v istoricheskoy retrospektive: K 80-letiyu V.T. Pashuto. M.: Yazyki russkoy kul'tury, 1999. S. 63-72.
26. Dzhakson T.N. Islandskie korolevskie sagi o russko-skandinavskikh matrimonial'nikh svyazyakh // Skandinavskiy sbornik. 1982. № 27. S.34-61.
27. Dzhakson T.N. Na Vostok v Khol'mgrad: Baltiysko-volkhovskiy otrezok puti iz varyag v greki // Rodina. 2002. № 11-12.
28. Dzhakson T.N. O skandinavskikh brakakh Yaroslava Mudrogo i ego potomkov. Rezhim dostupa: http://www.geocities.com/hennadiy_udovenko/news/20040223.html.
29. Dubenskiy D. Slovo o pl"ku Iгореve Svyat"slavlya pestvortsya starogo vremeni // RD. M., 1844. Ch. III. S. 121-148.
30. Egers E.V. Krestovye pokhody i gosudarstva krestonostsev // Soldat: voenno-istoricheskii al'manakh. 1999. S. 1-132.
31. Epokha krestovykh pokhodov / pod red. E. Levissa i A. Rambo. M.: AST; SPB.: Poligon, 2005. 1086 s.
32. Zaborov M.A. Izvestiya rus'kikh sovremennikov o krestovykh pokhodakh // Vizantiyskiy Vremennik. 1971. T. 31. S. 72-91.
33. Istoricheskaya pesn' o pokhode na polovtsev udel'nogo knyazya Novgoroda-Severskogo Igorya Svyatlaslavicha, pisanaya starinnyim russkim yazykom v iskhode XII stoletiya. M., 1800. 54 s.
34. Istoriya Norvegii. M.: Nauka, 1980. 512 s.

35. Kazhdan N.M. Osvobozhdenie Bolgarii iz-pod vizantiyskogo iga // Voprosy istorii. 1973. № 11. S. 124-134.
36. Karmazin N. Istoriya gosudarstva Rossiyskogo. V 3-kh kn. Kn. 1. Spb.: Kristal, 2003. 704 s.
37. Kinnam I. Kratkoe obozrenie tsarstvovaniya Ioanna i Manuila Komninov (1118–1180 gg.). Ryazan': Aleksandriya, 2003. S. 9-237.
38. Kinan E. Rosiys'ki istorychni mify. K.: Krytyka, 2001. 451 s.
39. Knyaz'kiy I.O. Vizantiya i kochevniki yuzhnorusskikh stezey. SPB.: Alteya, 2003. 181 s.
40. Komnina A. Aleksuada. M.: Nauka, 1965. 687 s.
41. Kostruba T. Vybrani tvory. V 2-kh tt. Toronto, 1956. T. II. 304 s.
42. Kotlyar M.F. Istoriya diplomatiyi Pivdenno-Zakhidnoyi Rusi. K., 2002. 361 s.
43. Kotlyar M.F. Pivdenno-Zakhidna Rus' v yevropeys'kiy politytsi XII-XIII st. // Ukrayina v Tsentral'no-Skhidniy Yevropi. Vyp. 3. K.: Instytut Istoriyi Ukrayiny NANU, 2003. S. 23-98.
44. Kotlyar M. Do pytannya pro vtechu vizantiys'koho imperatora v Halych u 1204 r. // Ukrayins'kyy istorychnyy zhurnal 1966. S. 112-117.
45. Kul'chyts'kyy V., Tyshchuk B., Boyko I. Halyts'ko-Volyns'ka derzhava (1199-1349 rr.). L'viv, 2005. 316 s.
46. Kuchkin V.A. Chudo Sv. Panteleymona i semeynye dela Vladimira Monomakha // Rozsip v srednie veka i novoe vremya: Sbornik statey k 7-letiyuchl.-kor RAN L.V. Milova. M. 1999. S. 12-43.
47. Likhachev D.S. Istoricheskiy i politicheskiy krugozor avtora «Slova o polku Igoreve» // TODL, 1950. S.18-34.
48. Likhachev D.S. Kommentariy // Slovo o polku Igoreve / Pod. red. V.P. Adrianovoy-Perets. M.-L., 1950. 432 s.
49. Litopys Rus'kyy / Per. Z davn'orus'koho. L.S. Makhnovtsya. K.: 1989. 591 s.
50. Mayorov O.V. Galitsko-Volynskaya Rus'. Ocherki sotsial'no-politicheskikh otnosheniy v domongol'skiy period. Knyaz', boyare i gorodskaya obshchina. SPb.: Universitetskaya kniga, 2001. 640 s.
51. Masan O. Uchast' ukrayintsiv u khrestovy pokhoda u Pivdenno-Skhidnu prybaltyku ta na Blyz'kyy Skhid u XII-XIII st. // Mizhnarodnyy naukovyy konhres «Ukrayins'ka istorychna nauka na porozi XXI st.» Chernivtsi, 2001. T. 1. S. 27-41.
52. Mengers K.G. Vostochnye elementy v «Slove o polku Igoreve». L., 1979. 360 s.
53. Meshcherskiy N.A., Burykin A.A. Kommentariy // Slovo o polku Igoreve / Sost. L.A. Dmitriev, D.S. Likhachev, O.V. Tvorogov. L., 1985. 512 s.
54. Nazarenko A.V. Drevnyaya Rus' na mezhdunarodnykh putyakh. M., 2001. 636 s.
55. Nazarenko A.V. O dinasticheskikh svyazyakh synovey Yaroslava Mudrogo // Otechestvennaya istoriya. 1994. № 4-5. S. 181-194.
56. Nazarenko A.V. Neizvestnyy epizod iz zhizni Mstislava Velikogo // Otechestvennaya istoriya. 1993. № 2. S. 65-78.
57. Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov. M.-L.: AN SSSR, 1950. 640 s.
58. Pashuto V.T. Vneshnyaya politika Drevney Rusi. M., 1968. 645 s.
59. Pashuto V.T. Russko-skandinavskie otnosheniya i ikh mesto v istorii rannesrednevekovoy Evropy // Skandinavskiy sbornik. 1970. T. 15. S. 51-61.
60. Platonov A.I. Drevnerusskie palomniki iz sredey dukhovenstva i miryan // Soobshcheniya PPO. 1906. T. 17. Vyp. 4. S. 304-359.
61. Pletneva A.S. Polovtsy. M., 1990. 205 s.
62. Polnoe sobranie russkikh letopisey T. 6., Vyp. 1. (Sofiyskaya letopis' starshego izvoda). M.: Yazyki russkoy kul'tury. 2000. 581 s.
63. Polnoe sobranie russkikh letopisey. T.1. (Lavrent'evskaya letopis'). M.-L., 1962. 325 s.
64. Polnoe sobranie russkikh letopisey. T.2. (Ipat'evskaya letopis'). M.: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2001. 648 s.
65. Polnoe sobranie russkikh letopisey. T.1. Pribavlenie k Ipat'evskoy letopisi. SPb, 1846. S. 230-373.
66. Polons'ka-Vasylenko N. Istoriya Ukrayiny. T. 1. K.: Lybit', 1995. 672 s.

67. Prokof'ev N.I. «Khozhdenie» kak zhanr v drevnerusskoy literature // Uchenie zapiski MGPI im. V.I. Lenina M, 1968. № 288. S. 3-18.
68. Ram B.Ya. Papstvo i Rus' v X–XV vv. M., 1959. 412 s.
69. Rybakov B.A. Drevnyaya Rus' i russkie knyazhestva XII-XIII vv. M., 1982. 412 s.
70. Rybakov B.A. Politicheskie idei russkikh letopistsev XII v. (Tezisy) // Pol'sha i Rus'. Cherty obshchnosti i svoeobraziya v istoricheskom razvitii Rusi i Pol'shi XII-XIV vv. / Pod red. B.A. Rybakova. M.: Nauka, 1974. S. 18-22.
71. Rishar Zh. Latino-Ierusalimskoe korolevstvo. SPb.: Evraziya, 2002. 447 s.
72. Sakharov A.N. Osnovnye etapy vneshney politiki Rusi s drevneyshikh vremen do XV veka // Istoriya vneshney politiki Rossii XV-XVII vek. M., 1989. 415 s.
73. Slovar'-spravochnik «Slova o polku Igoreve». M.-L.: Nauka. T. 1., 1965. 567 s.
74. Solov'ev S. M. Istoriya Otnosheniy mezhdru russkimi knyaz'yami Ryurikova doma. M.: Astrel', 2003. 445 s.
75. Tatishchev V.N. Istoriya Rossiyskaya. T. 2. M.: AST: Ermak, 2005. 735 s.
76. Tolochko O.P., Tolochko P.P.. Kyyivs'ka Rus'. K.: Al'ternatyvy, 1998. 352 s.
77. Tolochko P.P. Kyyivs'ka Rus'. K.: Abrys, 1996. 351 s.
78. Uspenskiy F. Edinogo deda vnuki: varyazhskie svyazi Ryurikovichey // Rodina. 2002. № 11-12. S. 143-147.
79. Uspens'kiy F.I. Istoriya Vizantiyskoy imperii. V 5 t. T. 4. M.: Astrel'; AST, 2005. 496 s.
80. Fedoruk A. Uchast' naselennya Bukovyny v khrestovyykh pokhodakh na Blyz'kyy Skhid naprykintsi XII - pochatku XIII st. //Bukovyns'kyy istoryko-etnohrafichnyy visnyk. Chernivtsi: Zoloti lytavry, 2002. Vyp. 4. S. 44-48.
81. Florovskiy A. Chekhi i Vostochnye slavyane X-XVII vekakh // Voprosy istorii. 1947. № 8. S. 67-73.
82. Florya B.N. U istokov religioznogo raskola slavyanskogo mira (XIII vv.). SPb.: Alteya, 2004. 215 s.
83. Khoniat N. Istoriya so vremeni tsarstvovaniya Ioanna Komnina. T. 2. (1186-1206 rr.). Ryazan': Aleksandriya, 2003. 455 s.
84. Yanin V.L. Aktovye pechati Drevney Rusi X-XV vv. T. 2. M.: Nauka, 1970. 324 s.
85. A history of the Crusades. Philadelphia University of Pensilvania press, 1955. 694 s.
86. Abicht R. Lied von Heerschaar Igorj's. Leipzig, 1985. 67 p.
87. Abraham W. Powstanie organizacyi kościoła łacińskiego na Rusi. T. 1. Lwów, 1904. 418 s.
88. Annales Jenuenses // MGH SS. T. XVIII, 1863. S. 96-212.
89. Asbridge T. Pierwsza krucjata. PoznańDom wydawniczy rebis. 386 s.
90. Balzer O. Geneologia Piastów. Kraków, 2005. 1020 s.
91. Baumgarten N. Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides Russes du X-e au XIII-e siècle // Orientalia Christiana. Roma. 1927. № 35. S. 74-95.
92. Brook Z.N. A history of Europe: from 911 to 1198. London, 1983. 543 p.
93. Cronika fratris Salimbene de Adam // MGH SS. XXXII, 1922. S. 1-128.
94. Dlugossii Joannes. Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae in 10 libros. Warszawa: PWN, 1973. Lib. 5-6. 432 p.
95. Ex historia regum Danorum dicta Knytlingasaga MGH SS. XXIX. S. 271-322.
96. Ihumena Daniela z ziemi ruskiej pielgrzymka do Ziemi Śwetej. – Poznań:Wydawnictwo Poznańskie, 2003. 178 s.
97. Grala H. Tradycja dziejopisarska o pobycie władcy Bizancjum w Haliczu (Jan Długosz i kronikarz Hustyński) // Kwartalnik Historyczny. 1986. R. XCIII. № 3. S. 639-661.
98. Gultzdolff V. Kievskaya Rus' mezhdru Skandinaviei, Konstantinopolem i latynskim Ierusalimskim korolevstvom v nachale v. // Mezhdunarodnyy s"ezd slavistov: Rezyume dokladov i pis'mennykh soobshcheniy. M., 1983. S. 526-527.
99. Kashdan A. Rus' – Byzantine Princely Marriages in the Eleventh and Twelfth Centuries // Harvard Ukrainian Studies. 1988/1989. Vol. 12/13. S. 414-429.
100. Kronika Marcina Bielskiego. Sanok, 1856. T. I. 699 s.
101. Kronika Polska Marcina Kromera, biskupa Warmińskiego. Sanok, 1857. T.I. 716 s.
102. Kugler B. Studien zur Geschichte des Zweiten Kreuzzuges. – Stuttgart, 1866. 223 s.
103. Li Estorie de Jerusalem et d'Antiohe // Recueil des Historiens des Croisades. Historiens Occidentaux. T. V. Paris: Imprimerie Nationale, 1895. 621-649 s.

104. Lozinskij G. La Russie dans la literature francaise du Mouen Age // RESI. Paris, 1929. T. IX. P. 241-296.
105. Orderici Vitalis Angligene coenobii uticensis monachi Historie Ecclesiastice // Patrologiae cursus completes. Series Latina. T. 188, Paris, 1890. Col. 1-986.
106. Ottone Frisingensi Gesta Friderici I Imperatoris // MGH SS. T.XX. S. 337-496.
107. Harris J. Bizancjum i wyprawy krzyzowe. Warszawa, 2003. 272 s.
108. Regesta rehni Hierosolymitani (MXCVII-MCCXCI). Oeniponti, 1893. 521 s.
109. Saxonis Gesta Danorum / Olrik J., Reader H. Hauniae, 1931. T.1. 520 s.
110. Vincentii Pragensis Annales // MGH SS. T.XVII. S. 654-576.
111. Semkowicz A. Krytyczny rozbiór Dziejów Polskich Jana Dlugosza (do roku 1384). Kraków: Nakladem Akademii Umijetnosci, 1887. 406 s.
112. Serczyk W. Historia Ukrainy. Wroslaw-Warszawa-Kraków, 2001. 427 s.

УДК 94(100)“11/12”

**Военно-политические и династические контакты русских князей
с крестоносцами XII – начала XIII вв.**

¹ Виктор Мудеревич

² Инна Кубай

¹ Черновицкий национальный университет имени Юрия Федьковича, Украина

Черновцы, ул. Гайдара, 2а, к. 53, 58016

Кандидат исторических наук

E-mail: pjetro@rambler.ru

² Черновицкий национальный университет имени Юрия Федьковича, Украина

Черновцы, ул. Энтузиастов, 4б, 58016

Кандидат исторических наук

E-mail: innakubay@rambler.ru

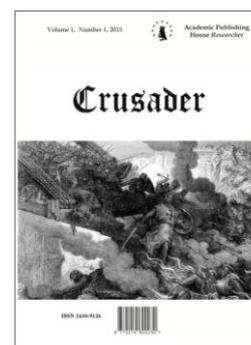
Аннотация. Статья посвященная проблемам военно-политических контактов русских князей с крестоносцами. В частности рассмотрены взаимоотношения князей с скандинавскими, германскими, чешскими и польскими участниками военных кампаний на Ближний Восток. Хронологически эти симптоматические контакты ограничены периодом первых четырех походов. Русичи не участвовали в крестовых походах, однако неоднократно вступали в взаимоотношения с их участниками. Часто ради личных интересов. Особого внимания заслуживают династические связи князей с европейскими крестоносцами, которые сыграли фундаментальную роль в трансляции крестоносных идей на территорию Киевской Руси. Благодаря этому мы имеем возможность понять рецепцию этих идей в древнерусском социокультурном пространстве. Особенно интересна рефлексия древнерусских летописцев на события связанных с крестоносным движением.

Ключевые слова: крестоносцы, древнерусские князья, древнерусская дипломатия, скандинавские крестоносцы.

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Crusader
Has been issued since 2015.
ISSN: 2409-6288
Vol. 1, Is. 1, pp. 23-38, 2015

DOI: 10.13187/crus.2015.1.23
www.ejournal29.com

UDC 94(100)"653"

The Battle of Woplawki: the Fall of Anticrusaders Campaigns of Grand Duke of Lithuania Vitenes

Ruslan B. Gagua

Poleski State University, Republic of Belarus
E-mail: gagua@tut.by

Abstract

The author describes the apogee of military and religious opposition between the Lithuanian Grand Duke Vytenis and the Teutonic Order in the present article. The troops of the Grand Duchy of Lithuania carried out two military campaigns in Prussia in 1311. The army of Duke Vytenis was defeated in large-scale battle of Woplawki during the last Prussian assault. The result was the suspension of military and religious expansion from the side of the Lithuanians against the Prussian lands. These circumstances indicate the improvement of the military organization of the Teutonic Order in the Baltic region and increase the defense capability of the state of the Crusaders. Based on available sources, the author conducted a historical reconstruction of those events, and made the conclusion that the battle of Woplawki has become one of the key events in the wars of the Grand Duchy of Lithuania against the Teutonic Order.

Keywords: Teutonic Order, medievalism, Grand Duchy of Lithuania, war history, crusaders, Middle Ages, Woplawki, medieval battles

Введение

7 апреля 1311 года близ деревни Вовлавки Кентшинского повета в Вармийско-Мазурском воеводстве на территории современной Польши состоялось сражение между армией Великого княжества Литовского и войсками Тевтонского ордена. Крестоносцы под командованием великого комтура Генриха фон Плоцке наголову разбили отряд великого князя литовского Витеня.

Битва при Вовлавках по средневековым меркам, без сомнения, являлась крупной и довольно значимой. Её результаты на определённое время изменили баланс сил в пользу тевтонских рыцарей в военном противостоянии Ордена и Великого княжества Литовского.

Историческую значимость сражения хорошо понимают уже его современники. Такое понимание нашло отражение в многочисленных летописных свидетельствах об этом, с современной точки зрения, трагическом событии, которые оставили потомкам прусские и польские летописцы в своих трудах.

Тем не менее, сражение при Вовлавках 1311 года не стало предметом специального исследования в исторической литературе и остаётся малоизвестным не только в кругах любителей средневековой истории, но и среди профессиональных медиевистов. В большинстве своём историки либо кратко сообщают о результатах сражения, либо, как это сделали Иоханнес Фойт, или Теодор Нарбутт, компилируют сообщения нескольких

отдельных исторических свидетельств, приводя их к единому нарративу в своих трудах [1; 2]. В российской дореволюционной, советской и белорусской историографии данное событие не рассматривалось.

Представляется парадоксальным то, что военная сторона тех далёких прусских событий практически не рассматривалась представителями исторической науки, хотя письменные источники о битве при Воплавках позволяют пролить свет на ряд тактических и стратегических аспектов ведения боевых действий в средневековых Прибалтийских конфликтах, обнаруживая новые подробности и реконструируя неожиданные детали.

Особый интерес, на наш взгляд, представляют религиозные обстоятельства сражения, которые свидетельствуют о серьёзной сакральной подоплёке произошедших событий. Они не только позволяют уточнить конфессиональную ситуацию, существовавшую в Великом княжестве Литовском в данный исторический период, но и ярко иллюстрируют отношения между Тевтонским орденом и Великим княжеством Литовским по поводу религии, которые были характерны в регионе для начала XIV столетия.

Сражению при Воплавках предшествовали две военные кампании в Пруссию, которые великий князь литовский Витень осуществил в 1311 году. Их вполне заслуженно можно охарактеризовать как антикрестовые походы, поскольку в ходе проводилась попытка обращения местного христианского населения в язычество.

Данные обстоятельства свидетельствуют о несомненной актуальности более детального исследования битвы при Воплавках с целью выяснения её причин, подробного рассмотрения тактических аспектов боя и последующей оценки результатов сражения в контексте современного видения истории.

Материалы и методы исследования

Битва при Воплавках нашла отражение в многочисленных свидетельствах прусских хронистов, а также в польском летописании. Однако сообщения польских летописей являются вторичными и опираются на свидетельства орденских хроник. Данное обстоятельство даёт основание отнести труды польских авторов не к источникам, а в область историографии.

Наиболее ранние летописные реляции о битве при Воплавках включены в «Хронику земли Прусской» Петра фон Дусбурга, рифмованную «Хронику Прусской земли» Николая фон Ерошина и «Выписки о событиях в Пруссии» анонимного Самбийского каноника, которые были созданы в первой половине XIV столетия, а также Старшую хронику монастыря Олива, написанную предположительно в середине XIV века [3; 4; 5; 6].

Свидетельства Петра фон Дусбурга и Николая фон Ерошина, в отличие от летописца Оливского монастыря и каноника из Самбии, являются гораздо более подробными, занимают большой объём и, кроме прочего, имеют ярко-выраженную нравоучительную окраску.

Петр фон Дусбург создал первую в Ордене крупную хронику, прославляющую деятельность крестоносцев в землях прусских язычников. В своём произведении, завершённом в 1326 году и воспевавшим христианские идеалы и добродетели, летописец проявил себя как убеждённый носитель официальной идеологии Тевтонского ордена конца XIII – начала XIV века.

В своём труде Пётр фон Дусбург представил поражение Витеня как результат превосходства христиан над язычниками, которые оскорбили Бога и полагались в своей гордыне, прежде всего, на силу армии. Таким образом, военная победа Тевтонского ордена трактуется им как победа католической религии над языческими заблуждениями, и в целом – как триумф небесного над земным [3, С. 176–177].

Через несколько лет после появления хроники Петра фон Дусбурга братом-священником Тевтонского ордена Николаем фон Ерошиным была сделана её рифмованная переработка [4].

Взяв за основу латиноязычную хронику Петра фон Дусбурга, Николай фон Ерошин передал её содержание на немецком языке, облачив в стихотворную форму. Отойдя от официального взгляда на деятельность Ордена в Пруссии, Николай фон Ерошин привнёс в повествование многочисленные подробности, отсутствующие у Петра фон Дусбурга. Некоторые из них носят нелицеприятный для крестоносцев характер. Автор описывает не

только религиозную деятельность братьев Тевтонского ордена, в его рассказе появляются элементы придворной жизни, юмор и ирония

Летописец дополняет рассказ о битве рядом подробностей, которые не содержит хроника Петра фон Дусбурга [4].

Следующим значительным источником о сражении при Воплавках является сочинение Виганда фон Марбурга, который, хотя сам и не являлся членом Тевтонского ордена, исполнял обязанности герольда у великого магистра Ордена Конрада фон Валленрода [7].

Написание на территории Тевтонского ордена его рифмованной «Новой хроники Пруссии» было закончено в конце XIV века, вероятнее всего, в 1394 году [8, С. 78–79].

Особую значимость указанному источнику придаёт то обстоятельство, что хроника не являлась официальной летописью Ордена, в связи с чем её автор широко использовал устную традицию, рыцарские предания и легенды. Кроме того, хроника Виганда фон Марбурга носит ярко выраженный светский характер.

Ряд исследователей полагает, что Виганд фон Марбург использовал в качестве основных источников для своей работы «Выписки о событиях в Пруссии» каноника Самбийского, Старшую хронику монастыря Олива и Торуньские анналы, в то время как труды Петра фон Дусбурга и Николая фон Ерошина ему не были известны [8, С. 11].

Все последующие, как орденские, так и польские летописцы, обращаясь к сражению при Воплавках, опирались в той или иной мере на вышеперечисленные хроники своих предшественников, составляющие и для нас основу для исследования битвы. При этом они либо передавали свидетельства одного из указанных авторов, либо компилировали информацию нескольких хроник.

Как мы видим, важнейшими нарративными источниками для детального рассмотрения вопросов, связанных с битвой при Воплавках являются произведения Петра фон Дусбурга, Николая фон Ерошина и Виганда фон Марбурга. На эти «три кита» Прусского летописания и следует, прежде всего, опираться при реконструкции событий, которые произошли при Воплавках в апреле 1311 года.

Исследование выполнено в соответствии с принципами историзма и объективности. При этом широко использовались системный и ценностный подходы, а также историко-компаративный метод исследования.

Предыстория конфликта

Во время княжения Витеня войны между Тевтонским орденом и Великим княжеством Литовским приобрели особо ожесточённый характер. Ещё при жизни своего отца Пукувера Витень осуществил несколько военных походов как в Польшу, правители которой в тот момент находились в союзных отношениях с Орденом, так и непосредственно во владения крестоносцев [3, С. 155–157].

В Пруссии больше всего страдали от набегов воинственных соседей пограничный замок Рагнита, а также территории Самбии и Натангии [9, С. 185–192].

Не менее опустошительными были набеги на Ливонию, где отряды Великого княжества Литовского держали в страхе все владения ливонского магистра и нередко достигали Эстонских земель [10, С. 47].

В Польше основная тяжесть войны ложилась на Мазовию [11, С. 398].

В конце XIII столетия в Ливонии разгорелся внутренний конфликт между крестоносцами и подданными рижского архиепископа, что подлило очередную порцию масла на очаг литовско-орденских войн.

В 1297 году горожане Риги восстали против Ордена. Они заключили союз с Витенем и вместе с отрядом, прибывшим из Великого княжества Литовского, захватили и разрушили замок крестоносцев в Риге, здание ливонского конвента и дом ливонских рыцарей [10, С. 54]. Затем был захвачен и сожжён замок Каркус, при защите которого погибли четыре брата Тевтонского ордена и весь гарнизон [10, С. 54; 3, С. 163–164].

1 июня 1298 года отряд Великого княжества Литовского вместе с рижанами разбил армию крестоносцев в битве на реке Гяуа. В бою погибли 3000 воинов, 60 братьев-рыцарей и ливонский магистр Бруно [10, С. 55–56; 3, С. 163–164]. В этом же году для защиты Риги

рядом с городом был построен замок для гарнизона Великого княжества Литовского [10, С. 56].

В свою очередь, крестоносцы сконцентрировали свои силы на атаках, направленных против Великого княжества Литовского в двух стратегических направлениях – в Жемайтию из Рагниты и Кёнигсберга и на Гродненщину из Бальги и Бранденбурга.

Большинство орденских рейдов в Жемайтию было направлено на замки Юнигеда и Оукайм [9, С. 185–192]. На белорусских землях, которые располагались на пути крестоносцев в Аукштайтию, основная тяжесть борьбы легла на Гродно. Так в источниках зафиксированы осады Гродненского замка, а также опустошения городской округи войсками Ордена в 1296, 1304, 1306 годах, а в 1311 году Гродненщина подверглась нападению дважды [3, С. 162, 170, 172, 175–176, 178].

Начиная с 1309 года, в Прибалтийском регионе стали происходить значительные геополитические изменения. Во-первых, резиденция великого магистра была перенесена из Венеции в Мариенбург, который стал с этого времени выполнять функции столицы Орденского государства [12, С. 209–210].

В связи с этим, отпала надобность в должности прусского лянтмайстра и, занимавший её ранее, Генрих фон Плоцке начал исполнять обязанности великого комтура [12, С. 209–210]. Во-вторых, между тевтонскими рыцарями и польским князем, а впоследствии королём Польши Владиславом Локетком, разгорелся спор из-за захваченного крестоносцами годом ранее Гданьского Поморья. Возникшие расхождения вылились в вооружённый конфликт за Мазовию, Куявскую, Добжиньскую и Михаловскую земли [11, С. 398].

В условиях необходимости подавления восстания рижан, напряжённые отношения с которыми сохранялись, несмотря на заключённое в 1300 году перемирие, а также борьбы на два фронта – против Польши и Великого княжества Литовского – орденская администрация была вынуждена заниматься также экономическими вопросами, привлекая немецких колонистов для освоения Пруссии.

Таким образом, в начале XIV века Тевтонский орден переживал далеко не лучшие времена. Ливония фактически контролировалась великим князем Витенем. Польша из союзника превратилась во врага Тевтонских рыцарей. Пруссия между реками Висла и Неман подвергалась опустошительным набегам армий Великого княжества Литовского.

В создавшихся условиях статус жизненно важных задач для Ордена приобрели необходимость поиска компромисса с Ригой, организация эффективной обороны Пруссии и победа в конфликтах с Великим княжеством Литовским.

После 1309 года великий комтур, а с 1312 года великий маршал Ордена, Герман фон Плоцке начинает прилагать максимальные усилия для решения военных задач, которые возникли у государства крестоносцев [12, С. 209–210].

Пик военной активности в противостоянии Тевтонского ордена и Великого княжества Литовского пришёлся на 1311 год, когда, кроме двух походов на Гродно, крестоносцы осуществили четыре рейзы на землю Пограуде. В Жемайтии дело даже дошло до попытки, хоть и неудачной, взять штурмом замок брата Витеня Гедимина, которому в будущем предстояло сменить его на великокняжеском престоле [3, С. 175–177].

В этот же год Витень предпринял два опустошительных похода на Пруссию. Последний из них закончился сокрушительным поражением армии Великого княжества Литовского в битве, состоявшейся 7 апреля у деревни Воплавки.

Победа крестоносцев под Воплавками привела к значительным следствиям, обеспечив Тевтонскому ордену на определённое время доминирование в Прибалтийском регионе. В свою очередь, Великое княжество Литовское вынуждено было сконцентрировать свои силы на обороне своих границ от набегов воинственного соседа.

Первый поход князя Витеня в Пруссию

Наиболее раннее упоминание о первом опустошении Натангии и Самбии (которое осуществили войска великого князя литовского Витеня в ходе прусского похода 1311 года) мы находим в хронике орденского пресвитера Петра фон Дусбурга. Он сообщает, что в 1311 году, на масленницу, которая пришлась тогда на 23 февраля, Витень с большой армией разграбил Натангию и Самбию, откуда увёл с собой около 500 пленников и захватил богатую добычу [3, С. 175].

В другой летописи Тевтонского ордена – старшей хронике, располагавшегося под Гданьском монастыря Олива, находим запись, согласно которой армия Великого княжества Литовского находилась в Самбии и Натангии в течение 18 дней, то есть до 12 марта [6, С. 710].

Наконец, Виганд фон Марбург, являвшийся герольдом великого магистра Конрада фон Валленрода, в своём стихотворном произведении, посвящённом истории Пруссии, отмечает, что в армии Витеня были как «свои», то есть литовцы, так и «русские», под которыми следует понимать жителей современной территории Беларуси, возможно отряд с Гродненщины [13, С. 454].

На первый взгляд, если верить сообщениям немецких летописцев, поход великого князя Витеня прошёл вполне успешно. В результате внезапного вторжения противник не сумел оказать никакого сопротивления нападавшим. Прусские земли были безжалостно разграблены и преданы огню. Воины великого князя, захватив богатые трофеи, с многочисленными пленниками возвращались домой.

Впрочем, не заставили себя долго ждать и ответные действия со стороны рыцарей Христа: два отряда крестоносцев выступили в погоню за уходящими из Пруссии воинами великого князя Витеня.

При попытке восстановления последовавших событий, перед нами возникают некоторые трудности. Сообщения основных источников, проливающих свет на подробности дальнейшего развития ситуации, содержат довольно значительные расхождения между собой. Хроника Петра фон Дусбурга и хроника Виганда фон Марбурга либо по-разному передают одни и те же события, либо повествуют о различных событиях, произошедших одновременно.

Пётр фон Дусбург сообщает, что после ухода войск Великого княжества Литовского обратно в Литву, из Кёнигсберга незамедлительно выступил Фридрих фон Лихтенберг с «сильной армией». Продвигаясь «той же самой дорогой, по которой прошёл» великий князь, он достиг жемайтской земли Пограуде, которую предал огню и мечу, в то время как сам Витень, благополучно вернувшись домой, воздавал почести языческим божествам в благодарность за успешный поход [3, С. 175].

Одновременно из Натангии в направлении Гродно выступил отряд под командованием Отто фон Бергау в составе 5 братьев Ордена и 400 конных воинов. Достигнув «заболоченной местности по берегам реки, называемой Бебжа» [3, С. 175], отряд Отто фон Бергау по вине проводников сбился с дороги и плутал по лесу в течение двух дней. В результате этого крестоносцам удалось избежать столкновения с людьми Витеня, которые в то время «ещё к себе не вернулись» [3, С. 176].

Таким образом, по версии Петра фон Дусбурга, различные отряды из армии князя Витеня, завершив разграбление Пруссии, разделились и разными дорогами возвращались домой: кто-то в Жемайтию и Литву, кто-то в «русские» земли, то есть на Гродненщину. Сам же Витень без каких-либо потерь благополучно вернулся в границы своих владений.

По второй версии – Виганда фон Марбурга – против Витеня было собрано объединённое войско, пять хоругвей из которого хронист перечисляет в своём сообщении. Он пишет, что армия крестоносцев, преследуя великого князя литовского, догнала его войска и наголову разбила их, освободив пленников, захваченных в Пруссии. Сам же Витень якобы бежал [13, С. 454–455].

Противоречия в хрониках Ордена были очевидны для летописцев, живших уже в следующем – XV веке. Ян Длугош, которого часто называют «отцом польской истории» в своей «Истории Польши» попытался соединить эти сообщения в одно. В результате он создал «гибридную» версию произошедшего, согласно которой «... комтур Кёнигсберга с одним отрядом, а пять комтуров с другим, разделившись, по разным дорогам на Литву, распалённые гневом, напали. [Там] всё, что только ни встречали, предавали огню и мечу, не щадя никого, какого бы ни были сословия, пола или возраста; и так же князю литовскому Витеню, как и войску его, по окончании похода отдыхавшему и предававшемуся утехам, нанесли поражение. А когда литовцы не посмели с ними вступить в бой, захватив большое число пленников, с победой и без потерь вернулись в Пруссию» [14, С. 943].

Таким образом, 5 названных Вигандом фон Марбургом хоругвей, фактически включаются польским летописцем в отряд, который в хронике Петра фон Дусбурга двигался

на Гродно. Это вполне очевидно, поскольку 5 комтуров Ордена из сообщения Яна Длугоша должны были возглавлять собственные отряды, которые выступали бы под отдельными знамёнами.

Впоследствии, в XIX веке, подобным образом поступил и Теодор Нарбутт, поместив в своей «Истории литовского народа» похожую компиляцию о сражении при Воплавках и предшествующих событиях [2, С. 429–434].

Впрочем, прежде чем делать окончательные выводы, на наш взгляд, следует принять во внимание ряд замечаний.

Во-первых, отряд Отто фон Бергау не мог включать упоминаемые Вигандом фон Марбургом хоругви, поскольку у Петра фон Дусбурга определённо указано, что он состоял из пяти братьев ордена и четырёх сотен конных воинов, то есть составлял 135 копий и по сути своей являлся всего одной хоругвью из Натангии. Малочисленность этого отряда подтверждается уверенностью хрониста, что только «Божье провидение» не дало им столкнуться с возвращающейся армией Великого княжества Литовского, и, следовательно, по мнению орденского пресвитера, спасло их от неминуемого поражения [3, С. 175–176].

Во-вторых, представляется сомнительным, что бы указанные хоругви входили в состав отряда кёнигсбергского комтура Фридриха фон Лихтенберга, поскольку Виганд фон Марбург вообще не упоминает хоругвь из Кёнигсберга при перечислении знамён, которые якобы участвовали в первом преследовании войск князя Витеня [13, С. 454–455].

В-третьих, большие сомнения вызывает сама возможность собрать в такие короткие сроки немалую – по средневековым меркам армию. Великий князь литовский вряд ли сумел бы, потерпев неудачу, так быстро с сильными войсками осуществить повторный поход в Пруссию.

Наконец, неправдоподобным кажется свидетельство Виганда фон Марбурга о первом поражении Витеня и освобождении крестоносцами захваченных литовским князем пленников. Об этом ничего не знает Пётр фон Дусбург, несмотря на то, что он являлся современником событий.

Сообщение, помещённое у Виганда фон Марбурга, наводит на мысль о том, что он транспонировал одну и ту же информацию на два различных события. При описании первого похода воинов Витеня в Пруссию свидетельство сводится к тому, что армия Ордена догнала его во время возвращения домой, разбила и освободила пленных, а сам великий князь литовский спасся бегством. При описании второго похода мы сталкиваемся с идентичной схемой: во время возвращения армию Великого княжества Литовского догоняют крестоносцы, разбивают её, освобождают пленных, сам же князь Витень спасается бегством.

Заметим, что сообщения Петра фон Дусбурга и Виганда фон Марбурга, не совпадая в основной своей части по отношению к первому походу Витеня в Самбию и Натангию, в полной мере соответствуют одно другому при описании второй Прусской экспедиции и далее в полной мере коррелируются при освещении сражения при Воплавках.

Подобного рода рассуждения позволяют с большой долей вероятности восстановить первую Прусскую кампанию Витеня следующим образом: 23 февраля 1311 года войска Великого княжества Литовского, пройдя через землю племени бартов, вступили в Натангию. Число их могло достигать 4000 воинов. Предавая разграблению сельскую местность и продвигаясь в северо-западном направлении, армия Витеня достигла и опустошила огнём и мечом Самбию.

Первой реакцией со стороны Ордена стали меры по созыву ополчения, предпринятые Отто фон Бергау в Натангии и, соответственно, меры по мобилизации самбов, осуществлённые Фридрихом фон Лихтенбергом.

Местная феодализованная знать со своими отрядами собралась в Кёнигсберге в Самбии и, вероятно, в замке Эйлау в Натангии. Одновременно, узнав о вторжении в земли Ордена армии Витеня, великий комтур Генрих фон Плоцке, ввиду немогности великого магистра Зигфрида фон Фейхтвангена, начал спешно собирать армию, отправив гонцов в расположенные по соседству с Самбией и Натангией замки Инстербург и Рагниту.

Занимаясь грабежами в течение нескольких недель, воины Витеня, захватили большую добычу и взяли в плен около пяти сотен человек, после чего направились обратно в Великое княжество Литовское.

Вслед за ними выступили в преследование отряды Фридриха фон Лихтенберга из Кёнигсберга и Отто фон Бергау из Натангии, по отдельности продвигаясь в район Мазурского Поозерья и уничтожая отставших от основной армии людей из войск Великого княжества Литовского. Подобная тактика, предполагающая преследование уходящего противника, была обычной для военных действий того времени.

Отряд из Самбии, вероятно, где-то у Мазурских озёр, повернул на север, и, вступив в область Паграуде, предал её разграблению. Отряд из Натангии, напротив, продолжал продвигаться далее вслед за возвращающимися из Пруссии войсками великого князя, но так и не решился атаковать их из-за своей малочисленности. Поэтому по достижении реки Бебжа примерно в 50–70 километрах северо-западнее Гродно, хоругвь из Натангии повернула к югу и начала опустошать окрестности Гродненского замка.

В это время Витень с основными силами достиг Аукштайтии, где в благодарность за успешный поход приносил жертвы языческим божествам.

Отряды Фридриха фон Лихтенберга и Отто фон Бергау по окончании грабежей с богатой добычей беспрепятственно вернулись в Пруссию, известие о чём привели великого князя литовского в ярость.

Второй поход Витеня в Пруссию

Узнав о разграблении Пограуде и окрестностей Гродно, Витень совершил повторный поход в Пруссию. 3 апреля 1311 года четырёхтысячная армия Великого княжества Литовского вступила в Вармию и предала её огню и мечу. По словам Петра фон Дусбурга, в Вармийском епископстве в результате этого похода «не осталось ничего, кроме замка и города (то есть, по всей видимости, Браунсберга), что не было бы сожжено, захвачено, либо где бы избежали гибели». Кроме того, было захвачено в плен более 1200 человек католического вероисповедания [3, С. 176].

6 апреля армия Витеня, покинув Вармийское епископство, оборудовала лагерь в земле бартов, в поле возле селения Воплавки, со всех сторон оградив его засеками. [3, С. 176–177]

Здесь, по единодушному свидетельству всех примарных источников, Витень предпринял попытку обратить захваченных пленников в язычество. При этом по свидетельству Петра фон Дусбурга, Витень пытался показать бессилие христианского Бога, апеллируя к могуществу божеств языческих: «Где Бог ваш? Почему не помог вам, подобно как боги наши являются помощниками нашими сейчас и потом»? [3, С. 176–177]

Дополнительные подробности находим у Виганда фон Марбурга, который пишет, что Витень требовал у пленных признать его власть над собой и вместе с ним сражаться против веры христианской. Далее великий князь литовский приказал принести облатки для святого причастия, бросал их на землю, растирал ногами, говоря при этом: «Почему этому поклоняетесь? Никогда хлеб не может быть Богом; поэтому дивитесь мощи моей и обратитесь в язычество!» [13, С. 454–455]

Приведённые данные источников позволяют нам сделать несколько важных умозаключений. Прежде всего, следует признать, что повторный поход армии Великого княжества Литовского в 1311 году не ограничился рамками карательной экспедиции, проведённой в ответ на разорение крестоносцами Пограуде и окрестностей Гродно. Требования Витеня, относительно признания своей власти со стороны пленённых жителей Пруссии, принуждение их к совместной борьбе против «веры христианской». А также отход от обычной практики возвращения после рейда в границы своего государства и оборудование укрепленного лагеря на территории противника, по-видимому, свидетельствуют о намерениях великого князя включить Бартию в состав Великого княжества Литовского.

Нельзя не отметить ярко выраженный религиозный подтекст действий Витеня в Пруссии. Поступая в духе христианских миссионеров, великий князь литовский пытался показать бессилие почитаемого христианами Бога и заставить их обратиться в язычество. Заметим, что при описании как первого, так и второго похода в Пруссию, в летописных источниках внимание акцентируется именно на многочисленных богохульствах и поругании католических святынь со стороны армии Великого княжества Литовского. Всё это может быть воспринято как свидетельство достижения апогея религиозного противостояния между Тевтонским орденом и Великим княжеством Литовским. С другой стороны, нельзя забывать, что религиозное положение и его изменение в Великом княжестве Литовском в XIV веке

пока ещё не стали предметом исчерпывающих исторических исследований. И свидетельства о присутствии в 1311 году в армии Витеня воинов с территории современной Беларуси, которые, несомненно, являлись христианами, [13, С. 454–455] показывают всю неоднозначность сложившейся религиозной ситуации.

Наиболее ранним документом, позволяющим осветить характер религиозной политики Витеня и характер межконфессиональных отношений в Прибалтике в данное время, является письмо магистрата и церковного капитула города Риги от 30 марта 1298 года, адресованное литовцам, в котором предполагалось ради заключения мира с городом Ригой и рижским архиепископом принять католичество по примеру Миндовга [15, С. 714–715].

Такое предложение было вызвано, в первую очередь, разгоревшимся в 1297 году конфликтом между Ригой и Тевтонским орденом. Так, согласно жалобе рижского архиепископа Иоанна и дерптского епископа Бернарда от 16 августа 1297 года (16 день сентябрьских календ), направленной Папе римскому Бонифацию VIII, Орден захватил и разрушил мост через Двину, имевший важное значение для торговых отношений Риги с соседями. Рижане просили разрешить возникший спор к «всеобщему благу», дав приказание братьям Немецкого дома в Пруссии и Ливонии не препятствовать восстановлению моста и свободному передвижению в пределах владений рижского архиепископа путешественников «верующих и язычников», а также пилигримов [15, С. 712–713].

Однако Римский Понтифик Бонифаций VIII в то время был занят дипломатической борьбой с королями двух могущественнейших государств того времени – Англии и Франции – Эдуардом I Длинноногим и Филиппом IV Красивым. В связи с этим прошение рижского архиепископа Иоанна, видимо, осталось неудовлетворённым. Соответственно, «используя все пути», [15, С. 713] рижане стали искать союзника в лице князя Витеня, невзирая на то, что владетель пограничных территорий пребывал в язычестве. При этом, преследуя цель хотя бы формального оправдания своим действиям, предложение о союзе послали от лица городского совета Риги, а не от лица архиепископа, хотя и указывалось на успехи его миссионеров в проповеди католической религии среди языческого населения Литвы. Кроме того, предложение о мире содержало рекомендации о принятии литовцами христианства [15, С. 714–715].

Договор о мире между Великим княжеством Литовским и Ригой был заключён, несмотря на то, что никаких религиозных преобразований Витень не провёл. Более того, войска княжества приняли активное участие в войне рижан против Тевтонских рыцарей. Однако успешно сражаясь в Ливонии против войск Ордена, никаких враждебных действий, направленных против католической церкви в местности, находящейся в ведении рижского архиепископа либо его суффрагантов, отряды Витеня не предпринимали.

Несомненный интерес представляют скудные сведения источников об отношении в Великом княжестве к православному населению в целом и православной церкви в частности. Об участии в походах в Польшу и Пруссию, а также в боевых действиях в Ливонии «русских», то есть православных жителей Великого княжества Литовского, мы находим сведения в сообщениях источников довольно часто. Одновременно какие-либо сведения о том, что в княжестве запрещалось отправление православного культа, либо для этого чинились бы какие-то препятствия, полностью отсутствуют.

Особый интерес вызывает грамота полоцкого епископа Якова, адресованная рижским бюргерам в 1309 году. В ней он упоминает, что до этого времени был «не дома», но сейчас находится «на своём месте в Святой Софии». Яков называет Витеня «сыном своим», а его союз с рижанами характеризует как правомочный: «любовь ваша праваа с с(ы)номъ моимъ, с Витенемъ» [16, С. 37–38].

О политических аспектах возникновения вышеупомянутого документа указывают свидетельства, содержащиеся в послании Папы Римского Климента V епископу Бременскому Иоанну и канонику Равенны Альберту де Медиолано, датированном 19 июня 1310 года. В нём сообщается, что «королевство Полоцк» было завещано Рижскому архиепископу полоцким князем, умершим без законных наследников, имя которого не называется [17, С. 50]. Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что в 1309 году

Полоцкие земли вошли в состав Великого княжества Литовского. При этом следует сделать оговорку, что ввиду союза Витеня с Ригой, Полоцк не мог быть подчинён литовским князем военным путём. Следовательно, с большой долей вероятности можно принять гипотезу, согласно которой Полоцкие земли оказались в составе Великого княжества Литовского в результате дипломатического соглашения между рижским архиепископом и Витенем, являясь своеобразной платой рижан за помощь в войне с Орденом.

Климент V называет братьев Тевтонского ордена «внутренними врагами» Католической Церкви. Он указывает, что они избегают своего прямого предназначения – обороны христианских земель от язычников, поскольку «удалились от границ», оставив их беззащитными. [17, С. 49–50].

Далее в адрес орденской администрации выдвигается обвинение, согласно которому, вследствие их интриг прекратила существование католическая епархия в Зелонии, были уничтожены две римские церкви в Зелонии и Руси. Также, благодаря интригам прелатов Тевтонского ордена, были сведены на нет усилия по обращению в католичество язычников в Зелонии и Литве, несмотря на то, что монахи Ордена миноритов достигли «наибольшего успеха» в миссионерской деятельности. [17, С. 50–51].

Подтверждение о толерантном отношении к миноритам Витеня находим в письме великого князя Гедимина к Папе Римскому Иоанну XXII, написанном в 1322 году: «...наш предшественник король Витень направил послание господину легату Франциску и господину архиепископу Фредерику с просьбой прислать ему двух братьев Ордена миноритов, предоставляя им место и уже воздвигнутую церковь». Он же сообщает, что построенный Витенем в Литве католический храм был сожжён крестоносцами [17, С. 140–141]. Из послания Гедимина от 25 января 1323 года бюргерам Любека, Штральзунда, Бремена, Магдебурга и Кёльна следует, что эта сожжённая церковь находилась в городе Новогрудке [18, С. 29–37]. В таком случае её уничтожение следует отнести к 1314 году.

Тем не менее, сам великий князь Витень до смерти оставался язычником, и язычество было возведено в Великом княжестве Литовском в ранг основной, или, другими словами «государственной» религии. Об этом убедительно свидетельствуют события 1311 года, связанные с битвой у Воплавок.

В целом можно охарактеризовать религиозную обстановку в Великом княжестве Литовском в первое десятилетие XIV века следующим образом: господствующей религией на балтских землях выступало язычество, в то время как на славянских территориях население исповедовало в основном православие. При этом православие (при толерантном к нему отношении), в отличие от язычества, поддержкой верховной власти в лице великого князя не пользовалось. В отношении католицизма сложилось ещё более сложное положение. Можно сделать предположение, что в отличие от язычников и православных отношение к католикам было амбивалентным. Проще говоря, одних воспринимали как католиков-врагов, если они находились в церковной юрисдикции Тевтонского ордена; но к тем, кто находился вне её, будь то поляки, рижане либо жители Великого княжества Литовского, отношение было в целом вполне толерантным.

Узнав о том, что Витень расположился лагерем в Бартии и, прослышав, что он принуждает христиан к обращению в язычество, великий комтур Генрих фон Плоцке, которому к этому времени наконец удалось собрать значительную армию, выступил с войсками из Холланда и идя «день и ночь», к утру 7 апреля достиг Воплавок, где и состоялось одно из крупнейших сражений первой половины XIV века.

Численность сторон

Обращаясь к вопросу о численности войск, мы сталкиваемся с обычными трудностями, которые встречаются любому историку в подобных ситуациях. В Средние века данные такого рода редко попадали в официальные документы. Поэтому исследователь чаще всего вынужден довольствоваться теми скудными, а порой и противоречивыми сведениями, которые оставили ему средневековые летописцы, полагаясь на свою интуицию при интерпретации известий источников.

Пётр фон Дусбург писал, что Витень вторгся в Пруссию во главе «четырёх тысяч отборных рыцарей» [3, С. 176]. При этом они с поразительной скоростью опустошили Вармийское епископство. Даже если признать, что срок нахождения здесь, указанный

хронистом, то есть 3 дня, является неправдоподобно малым [1, С. 278–279], всё равно скорость, с которой передвигались отряды из Великого княжества Литовского в условиях весеннего бездорожья, производит впечатление. Армии Витеня пришлось преодолеть не менее тысячи километров, продвигаясь туда и обратно. Вполне вероятно, что армия Витовта полностью состояла из конных воинов, способных к гораздо более быстрым, в сравнении с пехотой, перемещениям, пусть и на отдельных участках пути.

Армия, вероятно, была набрана в Аукштайтии и на территории современной Беларуси, в пользу чего свидетельствует сообщение Виганда фон Марбурга о том, что Витень привёл с собой в Пруссию как «своих», то есть литовцев, так и «русских» [13, С. 454]. Кроме того, в начале XIV столетия 4000 воинов было бы достаточно проблематично собрать только в пределах одной этнической Литвы.

Если с определением численности войск со стороны Великого княжества Литовского особых проблем не возникает, то при подсчётах численности армии Тевтонского ордена мы сталкиваемся с существенными трудностями. Пётр фон Дусбург пишет, что «брат Генрих фон Плоцке, великий комтур и 150 братьев со многими людьми пришли и нашли короля (то есть Витеня) и его армию» [3, С. 176].

Николай фон Ерошин снижает эту цифру до 80-ти:

«Когда закончилась ночь,
Утром брат Генрих пришёл,
Фон Плоцке, великий комтур,
И с ним множество разных героев.
Чем грешники должны тебя называть?
Он с соответственным конвентом
Собрали братьев,
Высоких, низких, старых, молодых,
Которых здесь называли мужами,
Количеством не более 80 человек» [4, С. 576].

Виганд фон Марбург добавляет, что Генрих фон Плоцке привёл с собой отряды из Рагниты, комтурства Инстербург, витингов, хоругвь Святого Георгия, хоругвь Девы Марии, а также «другие» [13, С. 454-455].

Таким образом, автор рифмованной хроники перечисляет 5 хоругвей, но подразумевает, что их было больше. Следует предположить, что знамя с изображением Богородицы могло являться основным и под ним находились рыцари из Мариенбурга, что подтверждается большим количеством – 150 человек по версии Петра фон Дусбурга – братьев Ордена в армии Генриха фон Плоцке.

Под хоругвью витингов, вероятно, следует подразумевать отряд из Натангии, хотя прямых доказательств этому мы в источниках не находим. Остаются ещё хоругви, о которых Виганд фон Марбург упоминает, но не называет их. Наиболее вероятно, что к армии Генриха фон Плоцке должны были присоединиться отряды из территорий, которые непосредственно подверглись опустошению и разграблению врагом, то есть хоругви из Самбии и Вармии.

То обстоятельство, что армия крестоносцев шла из Холланда, побуждает нас предположить о наличии в ней соответствующей хоругви.

Согласно свидетельству Николая фон Ерошина, передовым отрядом в армии крестоносцев командовал брат Гюнтер фон Арнштайн [4, С. 577], который согласно исследованиям Йоханнеса Фойта, занимал в то время должность комтура в Христбурге, что свидетельствует о присутствии в войсках Ордена хоругви Христбургского комтурства [1, С. 281].

В результате получаем, что армия Тевтонского ордена должна была состоять минимум из девяти хоругвей: из Мариенбурга (под знаменем с изображением Девы Марии), Святого Георгия (в составе пилигримов из Европы), комтурства Рагниты, Инстербурга, Натангии (укомплектованной местным прусским ополчением), Самбии (под стягом Кёнигсберга), епископа Вармийского, Холланда и Христбурга.

Подобные рассуждения всё равно не позволяют произвести какие-либо достоверные подсчёты относительно количества воинов в армии Ордена, поскольку численность хоругвей, то есть отрядов, выступающих под отдельным знаменем, варьировалась в широких пределах.

Однако мы располагаем свидетельством Каспара Шютца – последнего немецкого летописца, видевшего оригинальный текст хроники Виганда фон Марбурга, согласно которому Генрих фон Плоцке пришёл под Вопплавки «с восьмьюдесятью братьями и двумя тысячами человек». [19, С. 56]. Сообщение Каспара Шютца выглядит вполне правдоподобно и позволяет нам сделать допущение, что численность армии под Вопплавками могла варьироваться от двух до трёх тысяч.

В целом, можно принять допущение, что армия Ордена была значительно меньше армии Великого княжества Литовского и состояла приблизительно из двух с половиной тысяч воинов, в то время как под началом Витеня находилось четыре тысячи человек.

Ход сражения

Наиболее подробное описание хода битвы содержит реляция Петра фон Дусбурга, которая существенно дополняется стихами рифмованной хроники Николая фон Ерошина. Исходя из их сообщений, 7 апреля передовой отряд крестоносцев под командованием комтура Христбурга Гюнтера фон Арнштайна подошёл к военному лагерю армии Великого княжества Литовского и сразу же вступил в бой. Воины Витеня сумели отбить первое нападение, убив 60 (по версии Петра фон Дусбурга) или 40 (по свидетельству Николая фон Ерошина) человек из числа нападавших, что составляло значительную часть передовой хоругви [3, С. 576]. Оборонявшиеся, используя сулицы, которые метали, укрывшись за засеками наверху горы, а также луки, из которых «русские» стрелки осыпали неприятеля дождём стрел, смогли вынудить передовой отряд отступить.

Однако Гюнтер фон Арнштайн быстро сориентировался в сложившейся ситуации и применил против противника их же собственный тактический приём: во время подхода, сбора и построения в боевые порядки основных сил Ордена, остатки его отряда начали массированный обстрел из луков лагеря Витеня.

Николай фон Ерошин так описал этот момент:

«И в первой сшибке
Христиане лишились 40 человек,
Убитых тогда королём;
Однако это их не испугало:
Подняли они оружие неверных
Против них же подобно львам;
И господ большая часть
Со знамёнами ждали у горы,
Торопясь сойтись с язычниками,
Которые также (их) истребляли,
Метая сулицы и копья
в христиан. Однако Господь
правых отличал.
Такой (начал) натиск в их сторону,
Брат Гюнтер фон Арнштайн
С господина отрядом,
Против русских стрелков
Поняв, что надо использовать.
Во время пахоты
Много вреда он причинил луком
Им и острой стрелой» [4, С. 576-577].

Дождавшись подхода основной части армии Ордена, Гюнтер фон Арнштайн предпринял вторую попытку захвата лагеря Витеня. При повторном штурме крестоносцам удалось не только потеснить защитников, но и ворваться в лагерь [4, С. 577]. Возможно,

сопротивление оказывала не вся армия Великого княжества, а лишь её часть, выполнявшая караульные обязанности, в то время как остальные воины попросту не успели надеть доспехи и поэтому оказались лёгкой добычей для ворвавшихся в лагерь «закованных в броню» бойцов Генриха фон Плоцке. Положение армии Витеня ещё больше осложнилось вследствие подхода остатков орденовских сил, которые к «господам... прибыли, пополнив их ряды» [4, С. 577].

По единодушному свидетельству как Петра фон Дусбурга, так и Николая фон Ерошина, подход подкреплений вызвал в рядах противника смятение. Первый сообщает, что, когда «литовцы... увидели братьев со своим знаменем и великим множеством вооружённых хуже, напал на них страх и так сильно сжал сердца их, что не в состоянии были больше мужество сохранять; и потому, словно в мгновение ока, побросав оружие, все спины показали». [3, С. 176-177]. Объяснение же Николая фон Ерошина выглядит несколько курьёзно. Он пишет, что «грязные язычники» пришли в ужас от вида «людей чистых» [4, С. 577].

В лагере началась паника, приведшая к повальному бегству воинов Великого княжества Литовского. Даже пленные подняли восстание и начали убивать смятённых караульных. Началась тотальная резня, зафиксированная Николаем фон Ерошином следующим образом:

«Отряд,
Преисполненный злостью,
В потоке
Чистой крови
Их много утопил;
Жалости чувство
Перестав к ним испытывать...» [4, С. 577].

Витень не смог навести порядок в своей армии, и сам вынужден был спасаться бегством.

Крестоносцы пустились в преследование противника, называвшееся в средние века «охотой» [20, С. 41-43]. Всадники без особого труда настигали беглецов и секли их мечами. Те же, кто попытался укрыться в лесной чаще или на болотах, располагавшихся среди обширных озёр поблизости Воплавок, либо утонули, либо впоследствии погибли от голода. Великий князь литовский Витень был тяжело ранен в голову и едва избежал смерти [13, С. 456].

По преданию, которое сообщает нам Виганд фон Марбург, крестоносец, ранивший князя, носил имя Тусемер. Герольд великих магистров пишет, что вскоре после битвы у Воплавок, прибыв в Пруссию для заключения мирного договора с Орденом, Витень попросил позвать того крестоносца с «железной головой», который его «сильно обидел». Когда рыцарь явился, великий князь литовский спросил его: «Это ты меня чуть не убил?», на что последний заявил: «Да. И убил бы, если бы ты так быстро не бежал» [13, С. 456-457].

Таким образом, в ходе сражения, состоявшегося 7 апреля 1311 года у Воплавок, условно можно выделить пять основных фаз:

На первом этапе произошла атака передового отряда крестоносцев (по-видимому, хоругви из Христбурга) под командованием Гюнтера фон Арнштайна, которая была остановлена вооружённым отрядом, несшим караульную службу в лагере Витеня. Используя луки и сулицы, воины из армии великого князя сумели убить от 40-ка до 60-ти человек из числа нападавших, чем вынудили их отступить.

На втором этапе стрелки из хоругви Гюнтера фон Арнштайна, начав массированный обстрел из луков позиций противника, обеспечили возможность прибытия и боевого построения основной части армии Генриха фон Плоцке.

В третьей фазе битвы, прибывшие силы крестоносцев, построившись в боевые ряды и объединившись с отрядом Гюнтера фон Арнштайна, предприняли вторую попытку штурма лагеря противника, защищённого со всех сторон засеками, то есть укрепленного частоколом.

Затем воинам Тевтонского ордена, усиленным прибывшими остатками армии, удалось прорвать строй, защищавший вход в лагерь и прорваться внутрь. Среди защитников

началась паника, которой воспользовалась атакующая сторона, начав вырезать незащищённых доспехами воинов врага, что привело к повальному бегству противника.

В заключительной фазе произошла «охота» – преследование и уничтожение бегущего врага крестоносцами за пределами лагеря.

Поражение Витеня объясняется несколькими существенными, на наш взгляд, тактическими ошибками, допущенными великим князем и его военачальниками. Во-первых, ход событий показывает их низкую готовность к нападению, поскольку очевидно, что к защите лагеря была готова не вся армия, а лишь её часть. Во-вторых, грубейшей ошибкой стало то, что после отражения атаки, двинувшегося на приступ передового отряда крестоносцев, не была организована контратака для окончательного уничтожения хоругви Гюнтера фон Арнштайна, а также для препятствия боевому построению подходящих частей Ордена. Как результат – полная победа армии Тевтонского ордена.

Потери сторон

Потери сторон, ввиду драматического для Великого княжества Литовского развития событий, оказались далеко не равноценными. Тевтонский орден потерял убитыми всего от 60-ти до нескольких сотен человек из «числа вассалов» [3, С. 177], то есть, вероятно, местного прусского ополчения. В источниках не находим информации, согласно которой, в битве погиб хотя бы один представитель орденской администрации, рядовой член Ордена либо кто-нибудь из рыцарей-пилигримов.

Сведения о потерях в армии Великого княжества Литовского содержатся в анналах и некрологе Роннесбурга и в хронике анонимного каноника Самбии. Сообщение Роннесбургских анналов, согласно которому в битве «литовцев 23000 полегло» [21, С. 145]. выглядит, по крайней мере, неправдоподобно, и, возможно, стало результатом банальной описки хрониста.

Согласно более правдоподобному, на наш взгляд, свидетельству Самбийского каноника, потери в армии Витеня определены в 3000 человек, что составило $\frac{3}{4}$ всех воинов великого князя [5, С. 282].

Таким образом, Генрих фон Плоцке одержал блестящую и практически бескровную победу, в то время как понесённые Великим княжеством Литовским потери в человеческих ресурсах существенно сказались на военном потенциале страны.

Заключение

События 1311 года показали, что Витень не смог воспользоваться возможностью расширения границ Великого княжества Литовского за счёт слабо контролируемых Тевтонским орденом прусских территорий. Поражение великого князя в битве при Воплавках имело далеко идущие последствия.

Во-первых, оно позволило государству крестоносцев окончательно утвердиться в Пруссии. Напротив, влияние Великого княжества Литовского в Ливонии существенно снизилось.

Неудачи Витеня в войнах с Тевтонским орденом заставили его преемников значительно пересмотреть характер отношений последнего языческого государства в Европе с католическим миром. Уже преемник Витеня великий князь Гедимин начал переговоры с Папой римским о повторном обращении Литвы в католичество, и только изменение геополитической ситуации в регионе, выразившееся в новом усилении Великого княжества Литовского, позволило ему сохранить на какое-то время язычество в качестве государственной религии.

Поражение при Воплавках предопределило так же изменение польского вектора во внешней политике Великого княжества Литовского, которое не только прекратило осуществление грабительских походов в польские владения, но и завязало крепкие союзнические отношения с Польшей, закрепив их династическим браком между сыном Владислава Локетка Казимиром и дочерью Гедимины Анной [22, С. 341].

Во-вторых, с этого момента существенно возрастает военная активность Ордена, направленная против Великого княжества Литовского: в период с 1311 по 1315 год крестоносцами со стороны Ордена было совершено 11 походов против Великого княжества

Литовского, в то время как в ответ Витень сумел организовать всего одну кампанию. Более того, в 1313 году на границе был построен ещё один замок крестоносцев – Христмемель [3, С. 178-179].

Мы видим, что в 1311 году Генрихом фон Плоцке вводится принцип всеобщего сбора ополчения в случае необходимости обороны страны, в то время как раньше защита отдельных территорий фактически находилась в руках местных гебитигеров. Начиная с этого времени, пилигримы из Европы и наёмное рыцарство стали более активно привлекаться орденской администрацией для участия в оборонительных мероприятиях, хотя до этого «гости», прибывшие в Пруссию, в основном использовались в рейзах, организуемых крестоносцами против Великого княжества Литовского.

Сражение при Воплавках показало, что автохтонное население Пруссии под властью крестоносцев находилось на стадии активного формирования европейских феодальных институтов: местные нобили, сохранив за собой на ленных правах земли, обрабатываемые как местными крестьянами, так и прибывающими из всех частей Германии колонистами, с готовностью выступали за их защиту под знамёнами Тевтонского ордена.

Данные замечания свидетельствуют о совершенствовании военной организации Тевтонского ордена и повышении обороноспособности государства крестоносцев.

Победа, одержанная войсками Ордена под Воплавками 7 апреля 1311 года, получила в средневековой Пруссии широкий общественный резонанс, о чём свидетельствует как основание в её честь женского монастыря в Торуне, так и особенности освещения битвы в прусском и польском летописании. Например, «Новая хроника Пруссии» Виганда фон Марбурга начинается именно этими событиями, в то время как следующим военным действием, удостоенным внимания герольда великих магистров Ордена, стала произошедшая спустя 37 лет битва на реке Стреве [13, С. 454-457, 510-513].

В польских хрониках XV–XVI столетий, несмотря на то, что в те времена Польское королевство находилось под властью литовской династии Ягеллонов, а также в унии с Великим княжеством Литовским, Князь Витень получил исключительно негативную оценку вследствие своих действий, направленных против католической религии. [14, С. 350-351]. При этом очевидно, что события 1311 года и сражение при Воплавках сыграли чуть ли не решающую роль в формировании негативного образа великого князя среди польских хронистов. При этом не остаётся никаких сомнений, что в годы своего княжения Витень являлся ярким сторонником и апологетом языческой религии в Великом княжестве Литовском.

Примечания:

1. Voigt, J. *Geschichte Preussens von den ältesten Zeiten bis zum Untergange der Herrschen Ordens* / J. Voigt. Königsberg: Grafe und Unzer, 1830. B. 4. 723 s.
2. Narbutt, T. *Dzieje Narodu litewskiego*. / T. Narbutt. T. IV. Wilno: Nakładem i drukiem Antoniego Marcinowskiego, 1838. 712 s.
3. Petri de Dusburg *Chronicon terrae Prussie* // *Scriptores rerum Prussicarum* / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke. Bd. I. Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1861. S. 3–219.
4. *Di Kronike von Pruzinlant des Nicolaus von Jeroschin* // *Scriptores rerum Prussicarum* / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke. Bd. I. Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1861. S. 291–624.
5. *Canonici Sambiensis epitome gestorum Prussie* // *Scriptores rerum Prussicarum* / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke. Bd. I. Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1861. S. 272–290.
6. *Die ältere Chronik und die Schrifftafeln von Oliva* // *Scriptores rerum Prussicarum* / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke. Bd. I. Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1861. S. 649–731.
7. Lohmeyer K. *Wigand von Marburg*. // *Allgemeine Deutsche Biographie* / K. Lohmeyer. Bd. 20, Leipzig: Duncker & Humblot, 1884, S. 293 – 294.
8. Zonenberg, S. *Kronika Wiganda z Marburga*, Bydgoszcz: Wydawnictwo Uczelnialnie Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Bydgoszczy, 1994. 105 s.
9. Батура, Р.К. *Оборона правобережья Нижнего Немана против агрессии Тевтонского ордена (XIII – начало XIV в.)* / Р. К. Батура // *Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования*. 1985 г. Москва: Издательство «Наука», 1986. С. 185–192.
10. *Hermani de Wartbergi Chronicon Livoniae* // *Scriptores rerum Prussicarum* / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke. Bd. II. Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1863. S. 21–116.

11. Grodecki, R. *Dzieje Polski Średniowiecznej* / R. Grodecki, S. Zachorowski, J. Dąbrowski. Kraków: TAIWPN Universitas, 2011. 907 s.
12. Dorna, M. *Bracia zakonu krzyżackiego w Prusach w latach 1228-1309* / M. Dorna. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2004. 429 s.
13. *Die Chronik Wigands von Marburg // Scriptorum rerum Prussicarum* / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke. Bd. II. Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1863. S. 429–662.
14. Długos sev Longinus, I. *Historia Polonicae libri XII* / I. Długos sev Longinus. – Francofurt: Ioannis Lvdoicii Cledetschii & Mavritii Georgii Weidmanni, 1711. 943 s.
15. *Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten* / hrsg. F. G. von Bunge. Bd. 1. Reval: Druck von Heinr. Laakmann in Dorpat, 1853 812 s.
16. Грамота еп. Пол. Якова рижск. Епископскому наместнику и г. Риге о мирных отношениях и торговле хлебом // Полоцкие грамоты XIII – нач. XVI вв / сост. А.Л. Хорошкевич. Т. 1. Москва: Институт истории СССР АН СССР, 1977. С. 37–38.
17. *Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten* / hrsg. F. G. von Bunge. Bd. 2. Reval: Druck von Heinr. Laakmann in Dorpat, 1855. S.830
18. *Послание Гедимины гражданам Любека, Штральзунда, Бремена, Магдебурга, Кельна // Послания Гедимины* / под. В. Т. Пашуто, И. В. Шталь. Вильнюс: Минтис, 1966 г. С. 29–37.
19. *Caspari Schützi Rerum Prussicarum historia ex codice manu auctoris scripto edita* / C. Schütz. – Gedani: Typis Et Impensis Thomae Joannis Schreiberi, 1769. 566 s.
20. Гагуа, Р.Б. Методологические проблемы работы с источниками по истории ВКЛ в период развитого и позднего средневековья / Р. Б. Гагуа // *Вестник ГрГУ № 3 (72)*, 2008. С. 41-43.
21. *Die Annalen und das Necrologium von Ronneburg // Scriptorum rerum Prussicarum* / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke. – Bd. II. – Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1863. S. 142–148.
22. Balzer, O. *Genealogia Piastów* / O. Balzer. – Kraków: Nakładem Akademii umiejętności, 1895. 574 s.

References:

1. Voigt, J. *Geschichte Preussens von den ältesten Zeiten bis zum Untergange der Herrschen Ordens* / J. Voigt. Königsberg: Grafe und Unzer, 1830. B. 4. 723 s.
2. Narbutt, T. *Dzieje Narodu litewskiego.* / T. Narbutt. T. IV. Wilno: Nakładem i drukiem Antoniego Marcinowskiego, 1838. 712 s.
3. *Petri de Dusburg Chronicon terrae Prussie // Scriptorum rerum Prussicarum* / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke. Bd. I. Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1861. S. 3–219.
4. *Di Kronike von Pruzinlant des Nicolaus von Jeroschin // Scriptorum rerum Prussicarum* / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke. Bd. I. Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1861. S. 291–624.
5. *Canonici Sambiensis epitome gestorum Prussie // Scriptorum rerum Prussicarum* / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke. Bd. I. Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1861. S. 272–290.
6. *Die ältere Chronik und die Schrifttafeln von Oliva // Scriptorum rerum Prussicarum* / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke. Bd. I. Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1861. S. 649–731.
7. Lohmeyer K. *Wigand von Marburg.* // *Allgemeine Deutsche Biographie* / K. Lohmeyer. Bd. 20, Leipzig: Duncker & Humblot, 1884, S. 293 – 294.
8. Zonenberg, S. *Kronika Wiganda z Marburga*, Bydgoszcz: Wydawnictwo Uczelnialnie Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Bydgoszczy, 1994. 105 s.
9. Batura, R.K. *Oborona pravoberezh'ya Nizhnego Nemana protiv agressii Tevtonskogo ordena (XIII – nachalo XIV v.)* / R.K. Batura // *Drevneishie gosudarstva na territorii SSSR. Materialy i issledovaniya.* 1985 g. – Moskva: Izdatel'stvo «Nauka», 1986. S. 185–192.
10. *Hermani de Wartbergi Chronicon Livoniae // Scriptorum rerum Prussicarum* / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke. Bd. II. Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1863. S. 21–116.
11. Grodecki, R. *Dzieje Polski Średniowiecznej* / R. Grodecki, S. Zachorowski, J. Dąbrowski. Kraków: TAIWPN Universitas, 2011. 907 s.
12. Dorna, M. *Bracia zakonu krzyżackiego w Prusach w latach 1228-1309* / M. Dorna. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2004. 429 s.

13. Die Chronik Wigands von Marburg // *Scriptores rerum Prussicarum* / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke. Bd. II. Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1863. S. 429–662.
14. Dlugos sev Longinus, I. *Historia Polonicae libri XII* / I. Dlugos sev Longinus. – Francofurt: Ioannis Lvdozici Cledetschii & Mavritii Georgii Weidmanni, 1711. 943 s.
15. Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten / hrsg. F. G. von Bunge. Bd. 1. Reval: Druck von Heinr. Laakmann in Dorpat, 1853 812 s.
16. Gramota ep. Pol. Yakova rizhsk. Episkopskomu namestniku i g. Rige o mirnykh otnosheniyakh i trgovle khlebom // *Polotskie gramoty XIII – nach. XVI vv* / sost. A.L. Khoroshkevich. T. 1. Moskva: Institut istorii SSSR AN SSSR, 1977. С. 37–38.
17. Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten / hrsg. F. G. von Bunge. Bd. 2. Reval: Druck von Heinr. Laakmann in Dorpat, 1855. S.830
18. Poslanie Gedimina grazhdanam Lyubeka, Shtral'zunda, Bremena, Magdeburga, Kel'na // *Poslaniya Gedimina* / pod. V. T. Pashuto, I. V. Shtal'. Vil'nyus: Mintis, 1966 g. S. 29–37.
19. Caspari Schützi Rerum Prussicarum historia ex codice manu auctoris scripto edita / C. Schütz. – Gedani: Typis Et Impensis Thomae Joannis Schreiberi, 1769. 566 s.
20. Gagua, R. B. Metodologicheskie problemy raboty s istochnikami po istorii VKL v period razvitogo i pozdnego srednevekov'ya / R. B. Gagua // *Vestnik GrGU № 3 (72)*, 2008 g. S. 41-43.
21. Die Annalen und das Necrologium von Ronneburg // *Scriptores rerum Prussicarum* / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke. – Bd. II. – Leipzig: verlag von S. Hirzel, 1863. S. 142–148.
22. Balzer, O. *Genealogia Piastów* / O. Balzer. – Kraków: Nakładem Akademii umiejętności, 1895. 574 s.

УДК 94(100)"653"

**Битва под Воплавками: крах антикрестовых походов
великого князя литовского Витеня**

Руслан Борисович Гагуа

Полесский государственный университет, Беларусь
Доцент кафедры гуманитарных наук, философии и права
кандидат исторических наук, доцент
E-mail: gagua@tut.by

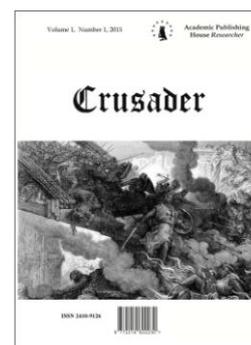
Аннотация. Представленная статья освещает апогей военного и религиозного противостояния великого князя литовского Витеня и Тевтонского ордена. В 1311 году войска Великого княжества Литовского осуществили два военных похода в Пруссию, которые закончились поражением князя Витеня в масштабном сражении при Воплавках. Результатом стало временное прекращение военной и религиозной экспансии со стороны литовцев в отношении Прусских земель. Данные обстоятельства свидетельствуют о совершенствовании военной организации Тевтонского ордена в Прибалтике и повышении обороноспособности государства крестоносцев. На основании доступных источников автор провёл историческую реконструкцию указанных событий и пришёл к заключению, что битва при Воплавках стала одним из ключевых моментов в войнах Великого княжества Литовского с Тевтонским орденом.

Ключевые слова: Тевтонский орден, медиевистика, Великое княжество Литовское, военная история, крестоносцы, Средние века, Воплавки, средневековые битвы.

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Crusader
Has been issued since 2015.
ISSN: 2409-6288
Vol. 1, Is. 1, pp. 39-49, 2015

DOI: 10.13187/crus.2015.1.39
www.ejournal29.com

UDC 903.222/903.223=20+623.446.4

Medieval Tract «Arab Archery» About the Parameters of Bows and Arrows as A Historical Source

Aleksii V. Korobeinikov

Udmurt State University, Russian Federation
E-mail: alexeika@udm.net

Abstract

The article deals with the excerpts from the tract «Arab Archery» dedicated to the parameters of the arab bows and arrows. The attention is paid to the system of archers`gestures, ballistic parameters. The work has comments. The author came to the conclusion that among the archers, in all probability, there was a specialization: skillful direction (snipers) by the light arrows at high speed and a high degree of sharpening lethal hit the particularly important individual goals – armored commanders, signalers, communications, monitors, and so on. While the bulk of shooters cloud of arrows showered group goals: bezdospeshnuyu (or "lightly armored") infantry, and not caring about the accuracy of each of his shots.

Keywords: tract «Arab Archery», bow, arrows, parameters, historical source.

Введение

Книга, получившая условное название *Arab archery* [1] о которой пойдет речь ниже в наше время представляет несомненный интерес, прежде всего, для исторических реконструкторов, то есть для тех, кто воссоздает в натуре старинные предметы вооружения. В ней содержатся детальные описания конструкций и конструктивных параметров луков, стрел и наконечников стрел. Разумеется, книга эта хорошо известна Российским историкам вооружений и реконструкторам. Однако можно с уверенностью утверждать, что известность эта в большинстве случаев не простирается далее осведомленности о названии трактата и знакомства с его темой. Полный перевод книги на русский язык, кажется, пока не был опубликован.

В сложившейся ситуации и историки и практические реконструкторы продолжают пользоваться цитатами из этой книги, которые включены в различные публикации, или переводными фрагментами, которые периодически появляются в сети интернет.* Объективности ради следует сказать и о нашем собственном негативном опыте обращения к цитатам. Несколько лет назад, задавшись целью создать программу-калькулятор для реконструкции стрел в сборе на основании их наконечников, которые обнаруживают

* Фрагмент перевода главы о весе наконечников и стрел см.: <http://www.tforum.info/forum/lofiversion/index.php?t13728.html>

Также в Сети доступны и различной полноты варианты текстов на английском языке: <http://www.sacred-archery.com/downloads.htm>; <http://www.caama.ca/texts.html>

археологи, при реализации одного из исследовательских подходов мы столкнулись с необходимостью задать весовые соотношения наконечника и древка. В отечественной литературе нами было обнаружено весовое соотношение, безоговорочно принимаемое нашими исследователями. Поиски источника данных с "разматыванием" долгой цепочки цитирования привели нас к известной книге А.Ф. Медведева [2], автор которой, как на источник данных, привел ссылку на Arab archery. Движимые интересом к источнику мы приобрели экземпляр этой книги и с удивлением обнаружили, что А.Ф. Медведев процитировал только обрывок фразы из главы средневекового трактата, которая специально посвящена весовым соотношениям деталей стрелы. Поэтому, мы сочли необходимым полностью процитировать соответствующие абзацы источника в нашей монографии, которая посвящена проблематике реконструкции стрел и лука [3, с. 51-52]. Здесь же считаем возможным расширить рамки цитирования ценного источника и привести в учебных целях главу № 40 целиком в нашем переводе.

Публикацию перевода полагаем целесообразным сопроводить вспомогательной информацией, которая имеется на суперобложке и предваряет основной текст оригинального издания 1945 г. Она сосредоточена в трех параграфах, которые обозначены нами соответственно как: "Введение", "Переводчик и комментатор", "Предисловие авторов".

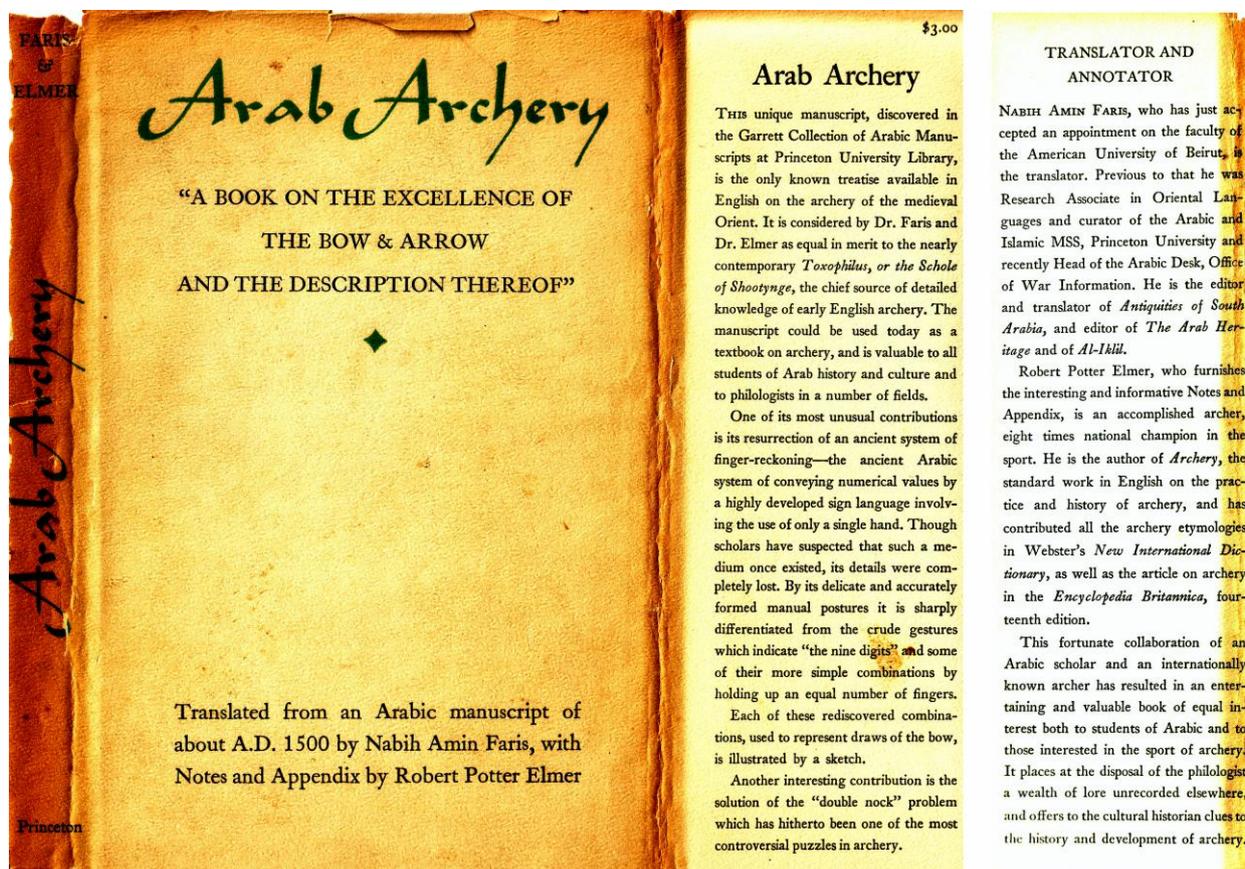

Рис. 1. Обложка книги

Результаты

Эта ценная рукопись, обнаруженная в Гарретовской коллекции Арабских манускриптов библиотеки Принстонского университета представляет собой уникальный трактат о средневековых восточных луках из числа тех, что доступны на английском языке. По мнению д-ра Фариса и д-ра Эльмера по качеству он близок к почти современной ему книге *Toxophilus, or the Schole of Shootynge*, которая является признанным источником детальной информации о старинных луках Англии. Рассматриваемый трактат может использоваться в наши дни как учебник по изготовлению луков и стрельбе из них, а также

представляет интерес для всех, кто изучает историю Арабских стран и народов и для филологов различных специализаций.

Книга помогает понять древнюю систему подсчета на пальцах, применявшуюся Арабами при которой числовые значения выражались с помощью высокоразвитого языка знаков с использованием пальцев только одной руки.

Ранее исследователи подозревали о существовании этого способа, но детали его не были известны.

Приводимое в трактате подробные описания позволяют однозначно интерпретировать жесты, применяемые для индикации чисел. Каждая из идентифицированных нами комбинаций, употреблявшаяся для описания того или иного способа хвата стрелы при натяжении тетивы проиллюстрирована нашими рисунками*.

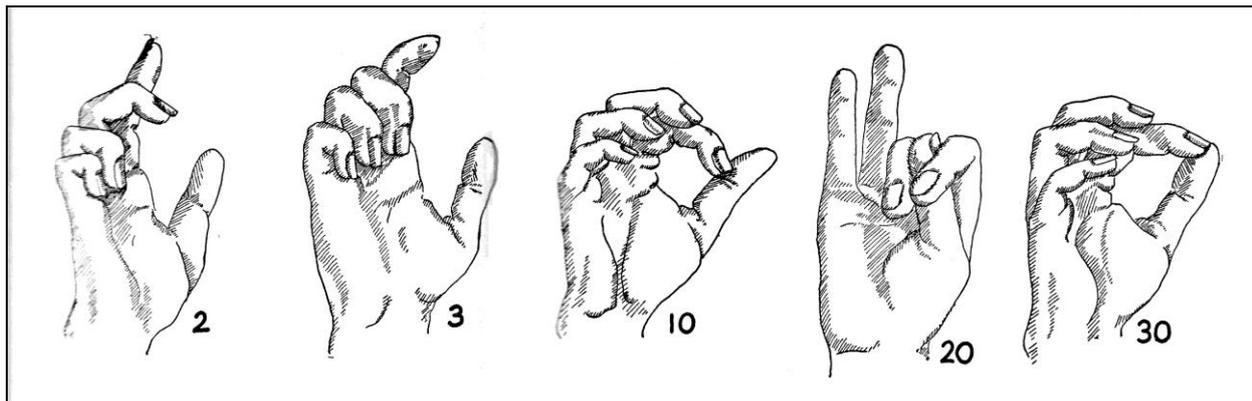

Рис. 2. Система жестов [1, вклейка]

Еще одна особенность книги состоит в том, что она позволяет решить проблему "двойной зарубки под тетиву" <на плечах лука>, которая до сего дня являлась одной из наиболее противоречивых загадок [1, суперобложка].

Переводчик и комментатор

Наби Амин Фарис (Nabih Amin Faris) занявший кафедру в Американском университете Бейрута явился переводчиком книги. До того он был приглашенным исследователем и курировал исследования по Арабской и исламской тематике в Принстонском университете. Он был редактором и переводчиком публикаций *Древностей Южной Аравии* и иных изданий.

Роберт Поттер Эльмер (Robert Potter Elmer) который представил Комментарий и Приложение к рассматриваемой книге, является квалифицированным лучником и девятикратным чемпионом страны. Он издал учебник, который служит руководством по практической стрельбе и описывает историю лука. Его статьи по лексике, связанной со стрельбой из лука вошли в толковый словарь Вебстера и в 49 издание энциклопедии Британика.

Сотрудничество исследователя-арабиста и широко известного лучника оказалось удачным. В результате появилась интересная и ценная книга, полезная как для студентов-востоковедов, так и для спортсменов-лучников.

Для филолога она откроет неизвестные ранее богатства фольклора, а культурологам предоставит большой объем информации по истории лука [1, суперобложка].

* Авторы приводят несколько десятков рисунков жестов. Разумеется, у лучников нет необходимости в разработке такого количества способов хватов стрелы. Кроме того, многие из рисунков, на наш взгляд, невозможно идентифицировать в качестве хвата стрелы. Мы репродуцируем фрагмент данного изображения в учебных целях; лишь №20 имеет сходство со способом удержания тетивы с помощью кольца с выступом, надетого на большой палец. Поэтому полагаем, что система жестовой передачи ранее занумерованных команд могла иметь прикладное значение для безголосовой управления многонациональными воинскими подразделениями в бою.

Предисловие авторов

Перевод и издание этого манускрипта являются собой результат работы двух людей. Один из них начал свою карьеру как арабист и никак не был связан с луками, а другой, являясь лучником не имел должной подготовки по востоковедению. Мы чувствуем, что в результате каждый из нас был охвачен сферой интересов напарника и надеемся, что получившаяся книга будет воспринята как арабистами, так и лучниками с равным интересом.

В Гарреттовской коллекции Принстонского университета рукопись о луках была единственной и сразу привлекла внимание. Д-р Фарис думал о публикации этого произведения, но долго не решался, осознавая свою некомпетентность как в теории, так и в практике стрельбы из лука. Однако, в 1940 г. он опубликовал заметку в Хрониках библиотеки Принстонского университета в которой описал манускрипт. Заметка попала в руки д-ра Эльмера, интерес которого к лукам общеизвестен. Он был настолько заинтересован в том, чтобы рукопись стала доступна англоязычному читателю, что предложил свои услуги в качестве консультанта по техническим вопросам.

Мы приступили к совместной работе и разделение ролей сохранялось лишь в теории; на практике это был совместный труд. Например технические знания д-ра Эльмера часто давали ключ к разрешению лингвистических проблем перевода, в то время как перевод д-ра Фариса часто давал ответы на загадки, которые в течение многих лет мучили историков лука.

Манускрипт состоит из 353 страниц размером 19x13,5 см., поле занятое письмом составляет 13x8 см. Бумага глянцевая, Европейская, XV века.

К сожалению, автор остался неустановленным, хотя из текста рукописи можно понять, что он жил в Марокко (Северная Африка).

Едва ли не единственным источником по истории раннего английского лука является книга *Токсофил, или школа стрельбы*, написанная Роджером Ашемом в 1542–1543 гг. и опубликованная в 1544 г. Рукопись *Арабский Лук* почти синхронна этой прекрасной книге – возможно моложе ее на несколько лет - и равнозначна в плане своих достоинств. Этот древний Арабский манускрипт является единственным источником по истории Средневекового Восточного метательного оружия из тех, что были переведены на английский язык. Данный труд представляет собой авторитетное свидетельство квалифицированного лучника. Книга проливает свет на сокрытые донныне вопросы о том, каким образом с помощью метательного оружия были покорены одна за другой несколько Западных империй.

Книга может служить учебником для современного лучника.

Наби Амин Фарис
Роберт Поттер Эльмер [1]

“XL. О ВЕСЕ СТРЕЛ, НАКОНЕЧНИКОВ И ОПЕРЕНИЙ

Лучники яростно спорят относительно веса стрел, их наконечников и оперений. Некоторые утверждают, что для лука в 20 ратлей* надо иметь стрелу в 3 дирхема†, а для лука в 30 ратлей – в 4 дирхема. Каждому увеличению веса‡ лука на 10* ратлей соответствует

* Считается что ратль приблизительно соответствует фунту; ориентировочно можно принять его значение в интервале 400–450 г. Для дальнейших расчётов примем значение 435 г.

† Точное весовое наполнение дирхема имеет множество вариантов в зависимости от времени и места использования этой меры. По мнению авторов комментируемого нами текста дирхем, о котором идёт речь в трактате равен 45 гранам [1, с. 172]. Принимая гран равным 0,0648 г получаем 2,92 г. Поэтому в качестве ориентира можно принять значение ≈ 3 г. О соотношении ратля и дирхема см. далее по тексту.

‡ Здесь и далее в оригинале употребляется термин *weight*, но очевидно, что применительно к луку речь идёт о величине силы натяжения, которая измеряется в тех же единицах, что и вес. В тексте оставляем неизменно термин "вес". Известно, что аккумулируемая луком энергия зависит не только от силы натяжения, но и от амплитуды натяжения. Пока можно лишь предполагать, что, видимо, автор трактата измерял силу, например, подвешивая груз к тетиве до тех пор, пока лук не прогнётся

увеличение веса стрелы на 1 дирхем. Другие утверждают, что вес стрелы должен быть от 7 до 20 дирхемов вне зависимости от жесткости лука. Если лук эластичен и имеет вес менее 80 ратлей, стрелы для него должны весить 7 дирхемов, что значит: 6 дирхемов без $\frac{1}{3}$ приходится на вес дерева, 1 дирхем на наконечник, а $\frac{1}{3}$ дирхема на клей и перья.

Если лук имеет 80 ратлей, стрелы для него должны весить 10 дирхемов: $8\frac{1}{2}$ дирхемов приходится на древко, полтора дирхема на наконечник, перья и клей. Для луков свыше сотни ратлей стрела должна весить от 16 до 20 дирхемов, и никогда больше, если вы хотите достичь точности и скорости.

Тахир аль-Бальхи сообщил, ссылаясь на мнение своего деда Сапира дуль-Акфара (Сапир II, 310–379 гг. н.э.), что вес стрелы для тугого лука должен составлять 12 дирхемов, 10 из которых приходятся на древко, а 2 – на наконечник и оперение. Такими стрелами пользовались владыки Персии. Они похвалялись стрельбой из прямого лука легкими стрелами. Тахир утверждал, что если лук имеет 30 ратлей, что стрела должна весть $9\frac{1}{2}$ дирхема и летит она на сотню локтей[†]; для лука в 40 ратлей стрела должна быть такой же – $9\frac{1}{2}$ дирхема, но летит она на 125 локтей; для лука в 60 ратлей и стрелы в 10 дирхемов дальность полета составляет 170 локтей; аналогично, для лука в 90 ратлей дистанция составит 200 локтей при стреле в 10 дирхемов; для лука в 100 ратлей стрела должна весить от 12 до 16 дирхемов, а дистанция составит от 270 до 300 локтей. Вес стрелы не должен превышать указанного значения, <так как> дальность полета стрелы уже не возрастает.

Некоторые лучники полагают, что стрелы для целевой стрельбы должны весить от 12 до 16 дирхемов, и никогда больше, если вы желаете достичь точности и скорости. Боевые стрелы, однако, должны иметь вес от 15 до 20 дирхемов. Мы пришли к такому выводу опытным путем. Стрела для войны должна иметь крупный и широкий металлический наконечник. Специалисты избегают использовать тяжелые стрелы по причине их многочисленных пороков* <изготовления> и низкой эффективности. Они предпочитают использовать легкие стрелы с жесткими луками, так как стрелы при этом летят прямо и без колебаний.

Другие утверждают, что стрелы для целевой стрельбы должны быть тяжелыми и иметь развитое оперение. Я сам использовал для стрельбы по мишени стрелу весом более 20 дирхемов.

Как было сказано, тонкие стрелы улучшенной выделки подходят для стрельбы на дальность и для обстрела противника на большой дистанции.

Для постановки трюков феноменальной меткости стрельбы на близкие расстояния требуются тяжелые стрелы цилиндрической формы веса около 15 дирхемов. Каждый лучник должен попробовать оба варианта, тяжелые и легкие. Короче говоря, легкие стрелы глубже проникают в цель и летят дальше[§], хотя тяжелые и показывают лучшую точность. Для каждого вида стрельбы должен подбираться наиболее подходящий вес стрелы.

Наконечник, по мнению некоторых лучников должен весить $\frac{1}{7}$ от веса стрелы, а оперение – $\frac{1}{7}$ от веса наконечника. Другие же полагают, что наконечник должен весить $\frac{1}{8}$ часть от веса стрелы, а оперение $\frac{1}{8}$ от веса наконечника. Есть и те, что утверждают, что наконечник должен весить $\frac{1}{9}$ часть от веса стрелы, а оперение – $\frac{1}{9}$ от веса наконечника**.

до максимально допустимой амплитуды, либо испытывал разные луки, замеряя силу, которая требуется для того, чтобы растянуть их на известное значение амплитуды, которое лимитировалось стандартом длины стрелы.

* В тексте используется как десятичная так и двенадцатиричная система счисления.

† Если речь идёт о так называемом мусульманском локте ≈ 50 м.

‡ В сочетании с последующим указанием на преимущество легкой стрелы в выражении: "because of their many flaws" можно увидеть указание на то, что тяжёлые стрелы с крупными наконечниками могут быть нестабильны в полёте вследствие низких аэродинамических качеств их головной части, которая не имеет осевой симметрии из-за недостатков изготовления: масса и аэродинамическая поверхность наконечника, особенно широкого и плоского трудно поддаются центровке.

§ В тексте: In short, light arrows give greater penetration and longe range...Очевидно, следует полагать, что лёгкие стрелы летят дальше, чем массивные стрелы в условиях, когда и те и другие получают равные значения энергии при одинаковой силе и амплитуде натяжения лука.

** Таким образом, интервал соотношений наконечника и древка $\frac{1}{6}...1/8$.

Таким образом, если вес стрелы был 7 дирхемов, то вес древка составит 6 дирхемов за вычетом $1/7$ части дирхема: 1 дирхем будет весить наконечник, а $1/7$ – оперение.

Если принять второе соотношение, то древко будет весить $6 \frac{1}{8}$ дирхема, наконечник – $7/8$ дирхема, а перья – $7/8$ от $1/8$ части дирхема.

Если принять третье соотношение, то на древко придется $6 \frac{1}{9}$ дирхема плюс $1/9$ от $1/9$ дирхема, на наконечник – $7/9$ дирхема, а на оперение – $7/9$ от $1/9$ дирхема.

Дирхем, применяемый здесь есть так называемых весовой дирхем (*dyrham al-kayl*). Он равен весу $50 \frac{2}{5}$ зерен ячменя средней величины. $12 \frac{1}{9}$ такого дирхема законного веса составляют *укья* (*uqyah*). В понятиях нашего большого дирхема, который сейчас применяется в Марокко в виде единицы из двух дирхемов*, законный весовой дирхем приблизительно равен $3 \frac{1}{8}$ дирхема.

Причина для того, чтобы называть этот дирхем весовым состоит в том, что он является базовой мерой для определения ратля (который состоит из 12 *укья*)†, а также таких мер, как *мудд* (который равен шести и одной трети ратля) и *са* (который состоит из 26 и двух третей ратля)‡.

Это законный дирхем исламского мира. Его описал абу-Мухаммед ибн-Атьях в своем трактате о весах и мерах (ибн-Атьях- выдающийся ученый из Андалузии. Умер в 1164 г.)” [1, с. 113-116].

Баллистические параметры для разных луков и стрел

Для наглядного представления о параметрах луков и стрел, описанных в средневековом источнике, изложим данные о них в виде таблиц и графиков.

Чтобы ориентироваться в метрологических единицах, которые содержатся в текстах и соотнести указания источника со своей собственной практикой лучника и реконструктора переведем системы мер в более привычные единицы. Разумеется, в соответствии со сделанными ранее примечаниями мы должны отдавать себе отчет в приблизительности такого перевода мер длины, веса и силы.

В первой таблице отражена зависимость между силой натяжения (указанной нами в килограммах – силы) и массой снаряда. Источник не сообщает о том, как изменяется дальность полета стрелы. Обратим внимание, что здесь идет речь исключительно о сравнительно легких стрелах: самый массивный образец (30 г.) близко соответствует нижнему весовому пределу из следующей таблицы.

Таблица 1. Зависимость между силой натяжения и массой стрелы

	1	2	3	4
Сила натяжения: ратли/кгс.	20/8,7	30/13,05	40...70/17,4...30,5	80/35,5
Масса стрелы: дирхемы /г.	3/9	4/12	7/21	10/30

* Тёмное место: возможно речь идёт о соотношении единиц измерения веса тогдашней Марокканской монеты номиналом в 2 дирхема и "законного" дирхема, как весовой единицы для измерения веса товаров. Т.о. на один весовой дирхем приходилось в среднем три и одна восьмая монетного?

† Соответственно, в одном ратле ~145 дирхемов; ~435 г.

‡ Реконструкция ситуационного замысла, в соответствии с которым вводились те или иные меры веса представляет самостоятельную интересную задачу для историка: так, если согласиться с тем, что *ратль* (фунт) равен весу суточного солдатского пайка, то мера *са* составляет объём выдачи воину зерна в течение лунного месяца. Соответственно, *мудд* по аналогии с известными нормами довольствия можно идентифицировать в качестве суточной нормы зерна для боевого коня.

Рис. 3. Сила натяжения лука, кгс

Кроме того, нижний предел силы натяжения лука здесь очень мал для общепринятых представлений о боевом или охотничьем луке, а верхний предел очень близок аналогичному нормативу, принятому в современной спортивной стрельбе. Таким образом, можно обоснованно полагать, что здесь источник отражает установленную им зависимость в соответствии с которой увеличение массы снаряда требует увеличения силы натяжения при стрельбе на постоянную дистанцию, например, при спортивной стрельбе в цель, расположенную на известном расстоянии.* Иными словами, можно предполагать, что здесь описан ассортимент комплектов лук-стрела отвечающий потребностям стрелковой подготовки начиная с детского возраста.

Во второй таблице (за исключением последней колонки) отражена зависимость дальности полета стрелы от силы натяжения лука при почти неизменной массе снаряда. Иными словами, здесь может находить отражение опыт использования стандартных снарядов боевого назначения массой около 30 г., которые изготавливались ремесленниками в ходе крупносерийного военного производства.

Таблица 2. Зависимость дальности полета от силы натяжения лука

	1	2	3	4	5
Сила натяжения: ратли/кгс.	30/13,5	40/17,4	60/26,1	90/39,2	100/43,5
Масса стрелы: дирхемы /г.	9 1/328	9 1/328	10/30	10/30	12-16/36-48
Дальность полета: локти/метры	100/50	125/75	170/85	200/100	270-300/135-150

* Трудно предположить наличие столь широкого ассортимента метательных установок и боеприпасов в рамках стрелкового подразделения: это приводит к массе проблем управления огнём и организации боепитания.

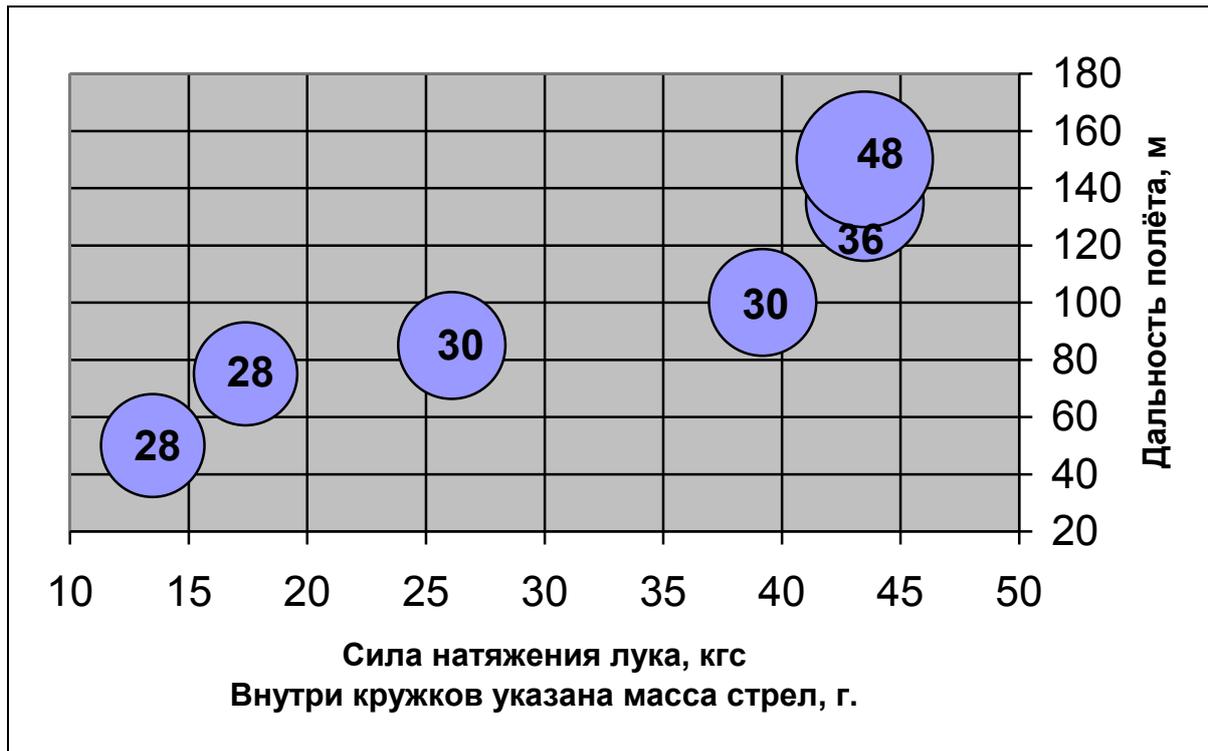

Рис. 4. Сила натяжения лука

Интересно указание источника, которое считаем нужным повторить: "Боевые стрелы... должны иметь вес от 15 до 20 дирхемов^{*}. Мы пришли к такому выводу опытным путем. Стрела для войны должна иметь крупный и широкий металлический наконечник. <Но> искусные стрелки избегают применять тяжелые стрелы по причине их многочисленных пороков <изготовления> и низкой эффективности. Они предпочитают использовать легкие стрелы с жесткими луками, так как стрелы при этом летят прямо и без колебаний" [1, с. 115].

Заключение

Полагаем, что для историка военного дела данный абзац является едва ли не ключевым во всем тексте. Он заслуживает того, чтобы быть прокомментированным по предложениям:

1. "Боевые стрелы... должны иметь вес от 15 до 20 дирхемов". Может показаться странным, что подробно рассказывая о силе натяжения разных луков и говоря о параметрах широкого ассортимента стрел автор не раскрывает баллистических параметров стрел исключительно **военного назначения**; неизвестными для читателя остаются ни их точный вес, ни дальность, ни значение силы натяжения лука... Однако, вспомним, что книга была написана и распространялась в эпоху, когда арабские лучники безраздельно господствовали на широких просторах Азии, Северной Африки и Южной Европы. Под ударами их стрел погибли многие армии. Иными словами, находясь в "сердце" арабского мира ни автор, ни его заказчик и "издатель" совершенно не были заинтересованы в разглашении действительных тактико-технических характеристик применяемого ими оружия. Следовательно, можно обоснованно полагать, что книга могла являться в то время лишь пособием для первоначального военного обучения, и стрелки "продвинутого уровня" совершенствовали свои умения при личном общении со специалистами.

* 45–60 г.

2. *"Мы пришли к такому выводу опытным путем"*. При дословном переводе фразы звучит: " Это то, что мы на самом деле проверили и нашли, что это хорошо". В этой фразе проглядывает личность автора: он, несомненно имеет боевой опыт, но не разглашает его. Данное обстоятельство можно объяснить уже предложенным мотивом обеспечения режима секретности. Напомним, Англия того времени не имеет колоний, является достаточно централизованным государством и засекречивание дательных параметров луков там было бы делом бессмысленным: едва ли не каждый крестьянин имеет в хозяйстве то, что сами англичане называют "The crooked stick" – гнутую палку. Обучение стрельбе из лука входило тогда в учебную программу школ и архивы сохранили свидетельства того, как дети по неосторожности могли убить друг друга стрелами. Иное дело Арабский мир XVI в.: сложный и дорогой клееный лук здесь является исключительным атрибутом война или охотника, многочисленные покоренные народы никакого оружия в обиходе не имеют, и автор книги не намерен способствовать просвещению потенциальных инсургентов и военных противников.

3. *"Стрела для войны должна иметь крупный и широкий металлический наконечник"*. Полагаем, что данный тезис раскрывает понимание автором целей и стратегии войн, в которых он участвовал. Ранее в тексте он указал, что легкие стрелы, (которые исходя из приведенных весовых соотношений наконечника и древка) не могут иметь массивных (и, по-видимому широких) наконечников. При этом, они летят далеко и производят глубокую пентерацию цели.

Обратимся к Табл. 2 для стрелы массой около 30 г. при увеличении затрат энергии лучника в 3 раза (колонки 1 и 4) дальность полета возрастает лишь в 2 раза. В свою очередь, по данным Табл. 1 при увеличении массы стрелы втрое, энергозатраты лучника возрастают вчетверо (колонки 1 и 4). Иными словами, если подразделение ведет огонь по противнику, который расположен на заданной дистанции, тот из бойцов, кто стреляет более тяжелой стрелой тратит больше энергии. Величину энергии посчитать несложно: оттягивая тетиву на 0,5 м. с силой 40 кгс. лучник затрачивает энергию около 200 Дж., а если он делает это за 1 сек., то развивает при этом мощность около 200 Вт. (Напомним, что средняя мощность лошади составляет 1/2 л/с т.е.≈ 370 Вт.) Трудно предположить, что все поголовно воины массовой армии имели мощность мускулатуры рук и плечевого пояса более чем в половину суммарной мощности двигательной мускулатуры средней лошади. Следовательно, значение силы натяжения в 40 кгс. (Табл. 2, колонка 4) следует признать пороговым, а дальность стрельбы в 100 м – максимальной.

Свойства крупного и широкого наконечника с точки зрения раневой баллистики таковы, что он моментально тормозится в материале цели, отдавая ей свою кинетическую энергию. Иными словами, широкие и крупные наконечники, причиняющие нелетальные повреждения и которыми вооружена масса воинов могут быть рассчитаны на ведение войны, целью которой является не истребление противника, а его пленение с последующей эксплуатацией человеческих ресурсов на захваченной территории.

4. *<Но> искусные стрелки избегают применять тяжелые стрелы по причине их многочисленных пороков <изготовления> и низкой эффективности.*

Вероятно, в каждом стрелковом подразделении арабов могли находиться батыры, способные забросить тяжелую стрелу и на большее расстояние, чем мы определили выше. Но зачем? Прицельная стрельба по одиночной цели на такой дистанции невозможна. Поэтому цитированное утверждение сообщает нам, что в составе войска, вооруженного тяжелыми стрелами находились и высококвалифицированные лучники, выполнявшие тактические задачи, сходные с теми, что возложены на современных снайперов, которым не нужна большая сила.

Почему стрелой с широким наконечником после прохождения ей протяженной траектории трудно попасть в малоразмерную цель? Потому, что широкий наконечник создает подъемную силу, а самый незначительный дефект в литье (ковке) наконечника, в сборке стрелы или ее балансировке относительно продольной оси приведет к тому, что в полете стрела начнет отклоняться в ту или иную сторону и сойдет с желаемой траектории.

Чем длиннее траектория, тем существеннее воздействие отмеченных негативных факторов*. А в чем трудность целевой стрельбы на большие дистанции из лука по живой силе? Стрела летит гораздо медленнее, чем пуля: пока стрела долетит до цели, может пройти секунда, за которую воин противника сделает один-два шага. Он переместится с точки прицеливания и стрела будет истрачена зря†.

5. *"Они предпочитают использовать легкие стрелы с жесткими луками, так как стрелы при этом летят прямо и без колебаний"*.

Почему массивной стрелой трудно попасть в малоразмерную цель? Снайпер, выбрав цель, как правило, не бросает стрелу рывком, а производит удержание стрелы на тетиве на секунду-другую для тщательного прицеливания. При этом чем меньше сила натяжения лука, тем меньше напряжение корпуса стрелка, меньше тремор напряженных мышц‡. Иными словами, можно обоснованно полагать, что здесь мы встречаем свидетельство специализации лучников в бою: искусные стрелки (снайперы) легкими стрелами с высокой скоростью и большой степенью заострения летально поражали особо важные индивидуальные цели – бронированных командиров, сигнальщиков, связистов, наблюдателей и т.п. в то время как основная масса стрелков тучей стрел осыпала групповые цели: бездоспешную (или "легкобронированную") пехоту, и при этом не особо заботилась о точности каждого из своих выстрелов.

Таковы данные о параметрах луков и стрел, изложенные в средневековом трактате. В наши планы входит публикация полного текста перевода с комментарием, аналогичным тому, что приведен выше.

Примечания:

1. Arab archery. An Arabic manuscript of about A.D. 1500 "A book on the excellence of the bow & arrow" and the description thereof.–Princeton: Princeton University Press, 1945. 182 p.

2. *Медведев А.Ф.* Ручное метательное оружие VIII-XIV вв. // Свод Археологических Источников. Вып. ЕИ-36. М., 1966. 184 с.

3. *Коробейников А.В., Митюков Н.В.* Баллистика стрел по данным археологии: введение в проблемную область. Ижевск: Изд-во НОУ Камский институт технологий, 2007. 140 с. ISBN 978-5-902352-20-4 Режим доступа: [[http://www.imha.ru/index.php? do=cat&category=b-library](http://www.imha.ru/index.php?do=cat&category=b-library)]

References:

1. Arab archery. An Arabic manuscript of about A.D. 1500 "A book on the excellence of the bow & arrow" and the description thereof.–Princeton: Princeton University Press, 1945. 182 p.

2. Medvedev A.F. Ruchnoe metatel'noe oruzhie VIII-XIV vv. // Svod Arkheologicheskikh Istochnikov. Vyp. EI-36. M., 1966. 184 s.

3. Korobeinikov A.V., Mityukov N.V. Ballistika strel po dannym arkheologii: vvedenie v problemnyyu oblast'. Izhevsk: Izd-vo NOU Kamskii institut tekhnologii, 2007. 140 s. ISBN 978-5-902352-20-4 Rezhim dostupa: [[http://www.imha.ru/index.php? do=cat&category=b-library](http://www.imha.ru/index.php?do=cat&category=b-library)]

* Для снижения этого эффекта медленнолетающим снарядам (минам, гранатам, стрелам) придают вращательное движение, которое, однако, не создает гироскопического эффекта, но уменьшает рассеивание попаданий.

† С 1930-х гг. для снайперской стрельбы и поражения самолётов применяются системы вооружения, стреляющие пулями, скорость которых в 2-3 раза превышает скорость полёта пульь обычного вооружения пехоты и составляет более 2000 м/с. При такой скорости нет необходимости вводить упреждающие поправки при обстреле движущихся целей.

‡ При пулевой стрельбе также тренируются специальные приёмы. Например, при удержании пистолета бывают напряжены лишь большой и средний пальцы кисти, указательный палец "обрабатывает" спусковой крючок, а мизинец и средний палец расслаблены и отведены от рукояти.

УДК 903.222/903.223=20+623.446.4

**Средневековый трактат «Arab Archery»
о параметрах луков и стрел как исторический источник**

Алексей Владимирович Коробейников

Удмуртский государственный университет, Российская Федерация
E-mail: alexeika@udm.net

Аннотация. В статье рассматриваются выдержки из трактата «Arab Archery» посвященные параметрам арабских луков и стрел. Уделено внимание системе жестов лучников, баллистическим параметрам. Работа снабжена комментариями. В заключении автор пришел к выводу, что среди лучников, по всей вероятности, имелась специализация: искусные стрелки (снайперы) легкими стрелами с высокой скоростью и большой степенью заострения летально поражали особо важные индивидуальные цели – бронированных командиров, сигнальщиков, связистов, наблюдателей и т.п. в то время как основная масса стрелков тучей стрел осыпала групповые цели: бездоспешную (или "легкобронированную") пехоту, и при этом не особо заботилась о точности каждого из своих выстрелов.

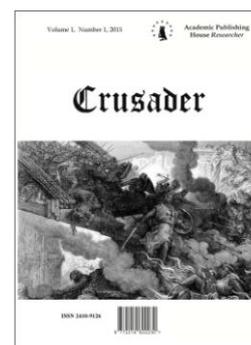
Ключевые слова: трактат «Arab Archery», лук, стрелы, параметры, исторический источник.

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
 Crusader
 Has been issued since 2015.
 ISSN: 2409-6288
 Vol. 1, Is. 1, pp. 50-56, 2015

DOI: 10.13187/crus.2015.1.50
www.ejournal29.com

UDC 94(460).02

Aeroballistic Parameters of Arab arrows On the Medieval Tract "Arab Archery"

¹Nikolas W. Mitiukov

²Elena L. Busygina

¹⁻² Izhevsk State Technical University named after MT Kalashnikov,
 Kamsky Institute of Humanitarian and Engineering Technologies, Russian Federation

¹Dr. (Technical Sciences), Professor

²PhD (physical and mathematical sciences), Associate Professor

Abstract

With a helping of simple mathematical models there was analyzed the ballistic information of the Arab arrow on medieval Arabic treatise "Arab archery". It is shown that there were no any errors on the text and the translation was correct, then, apparently, Arabian heavy arrow had specific design and can no to be in one quiver with the light arrows. Regarding light arrows, then, apparently, they have the typical design with coefficient of drag function $c_x \approx 2$, and firing was carried out to a maximum range Arabic archer with an elevation angle about 10° .

Keywords: middle ages, arabs, arrow, bow, ballistics, drag function.

Введение

Средневековый трактат "Arab archery" является ценным письменным свидетельством, описывающим конструкцию, технологию изготовления и конструктивные элементы арабских луков и стрел. Как показано в работе А.В. Коробейникова [1], анонимный арабский автор попытался обойти ряд ключевых моментов, касавшихся конструкции, очевидно имевших стратегическое значение. Однако часть этой информации представляется возможным определить, используя методы математического моделирования.

Исходная информация трактата "Arab archery"

Поскольку вся баллистическая информация в работе приведена в арабской системе мер, на первом этапе следует привести ее к метрической. Как предположил А.В. Коробейников, мусульманский локоть примерно равен 50 м, ратль – 435 г., а дирхем – примерно 3 г. [1].

Анонимный арабский автор пишет: *"Лучники яростно спорят относительно веса стрел, их наконечников и оперений. Некоторые утверждают, что для лука в 20 ратлей (8,7 кг) надо иметь стрелу в 3 дирхема (9 г), а для лука в 30 ратлей (13,05 кг) – в 4 дирхема (12 г). Каждому увеличению веса лука на 10 ратлей (4,35 кг) соответствует увеличение веса стрелы на 1 дирхем (3 г). Другие утверждают, что вес стрелы должен быть от 7 до 20 дирхемов (21...60 г) вне зависимости от жесткости лука. Если лук*

эластичен и имеет вес менее 80 ратлей (34,8 кг), стрелы для него должны весить 7 дирхемов (21 г), что значит: 6 дирхемов без $\frac{1}{3}$ приходится на вес дерева (17 г), 1 дирхем на наконечник (3 г), а $\frac{1}{3}$ дирхема на клей и перья (1 г). Если лук имеет 80 ратлей (34,8 кг), стрелы для него должны весить 10 дирхемов (30 г): 8 $\frac{1}{2}$ дирхемов приходится на древко (25,5 г), полтора дирхема на наконечник, перья и клей (4,5 г). Для луков свыше сотни ратлей (> 43,5 кг) стрела должна весить от 16 до 20 дирхемов (48...60 г.) и никогда больше, если вы хотите достичь точности и скорости".

В данном случае под весом лука понимается усилие не тетиве. Как известно, 1 кг = 9,81 Н. Относительно дальности стрельбы арабских стрел в трактате имеется следующая информация: "Тахир аль-Бальхи сообщил, ссылаясь на мнение своего деда Сапира дуль-Акфара (Сапир II, 310-379 н.э.), что вес стрелы для тугого лука должен составлять 12 дирхемов (36 г), 10 из которых приходятся на древко (30 г), а 2 – на наконечник и оперение (6 г). Такими стрелами пользовались владыки Персии. Они похвалялись стрельбой из прямого лука легкими стрелами. Тахир утверждал, что если лук имеет 30 ратлей (13,05 кг), то стрела должна весить 9 $\frac{1}{3}$ дирхема (28 г), и летит она на сотню локтей (\approx 50 м); для лука в 40 ратлей (17,4 кг) стрела должна быть такой же – 9 $\frac{1}{3}$ дирхема (28 г), но летит она на 125 локтей (\approx 75 м); для лука в 60 ратлей (26,1 кг) и стрелы в 10 дирхемов (30 г) дальность полета составляет 170 локтей (\approx 85 м); аналогично, для лука в 90 ратлей (39,2 кг) дистанция составит 200 локтей (\approx 100 м) при стреле в 10 дирхемов (30 г); для лука в 100 ратлей (43,5 кг) стрела должна весить от 12 до 16 дирхемов (36–48 г.), а дистанция составит от 270 до 300 локтей (135–150 м). Вес стрелы не должен превышать указанного значения, <так как> дальность полета стрелы уже не возрастает".

"Некоторые лучники полагают, что стрелы для целевой стрельбы должны весить от 12 до 16 дирхемов (36–48 г) и никогда больше, если вы желаете достичь точности и скорости. Боевые стрелы, однако, должны иметь вес от 15 до 20 дирхемов (45–60 г). Мы пришли к такому выводу опытным путем. Стрела для войны должна иметь крупный и широкий металлический наконечник. Специалисты избегают использовать тяжелые стрелы по причине их многочисленных пороков <изготовления> и низкой эффективности. Они предпочитают использовать легкие стрелы с жесткими луками, так как стрелы при этом летят прямо и без колебаний. Другие утверждают, что стрелы для целевой стрельбы должны быть тяжелыми и иметь развитое оперение. Я сам использовал для стрельбы по мишени стрелу весом более 20 дирхемов (60 г). Как было сказано, тонкие стрелы улучшенной выделки подходят для стрельбы на дальность и для обстрела противника на большой дистанции".

"Для постановки трюков феноменальной меткости стрельбы на близкие расстояния требуются тяжелые стрелы цилиндрической формы веса около 15 дирхемов (45 г). Каждый лучник должен попробовать оба варианта, тяжелые и легкие. Короче говоря, легкие стрелы глубже проникают в цель и летят дальше, хотя тяжелые и показывают лучшую точность. Для каждого вида стрельбы должен подбираться наиболее подходящий вес стрелы".

Обсуждение и результаты

После обработки, данные натурных испытаний стрел можно свести в табл. 1 [1, С. 115].

Таблица 1. Обработанные баллистические данные по арабской стреле

Стрела	1	2	3	4	5
Сила натяжения, кГ	13,5	17,4	26,1	39,2	43,5
Масса стрелы, г	28	28	30	30	36-48
Дальность, м	50	75	85	100	135-150

Ранее в наших работах было показано, что скорость схода стрелы с тетивы v (м/с) можно найти по зависимости:

$$v = \sqrt{\frac{F \cdot x}{m}},$$

где F – сила натяжения, Н; x – ход тетивы, м; m – масса стрелы, кг.

Идентификация этой зависимости была проведена по данным хантыйского лука [2], а также экспериментального стального лука [3]. В первом случае погрешность составила 4,04 %: 33,2 м/с по формуле и 34,6 м/с по результатам динамометрических испытаний, во втором случае – 8,15 %: 51,5 м/с и 47,3 м/с соответственно. Далее, задаваясь ходом тетивы на луке, а как было показано в наших работах, он колебался в районе 0,3 м [4], можно определить наиболее вероятные диапазоны изменения скорости схода стрелы с тетивы (табл. 2).

Таблица 2. Расчетные скорости схода и угол возвышения стрелы арабского лука

Стрела	1	2	3	4	5 max	5 min
Скорость средняя, м/с	37,67	42,76	50,60	62,01	59,63	51,64
Скорость максимальная, м/с	39,55	44,90	53,13	65,11	62,61	54,23
Скорость минимальная, м/с	35,78	40,63	48,07	58,91	56,65	49,06
Угол возвышения без учета роста стрелка	10,12°	11,87°	9,51°	7,39°	12,23°	14,89°
Угол возвышения с учетом роста стрелка	8,34°	10,67°	8,47°	6,52°	11,63°	14,21°

При проведении внешнебаллистического расчета возникает одна проблема: не понятно при каком угле возвышения проводились испытания. В связи с этим можно попытаться оценить этот угол θ без учета влияния атмосферы по известной формуле:

$$\sin 2\theta = \frac{g \cdot X}{v^2},$$

где g – ускорение свободного падения ($9,81 \text{ м/с}^2$); X – дальность стрельбы, м. Расчетные данные сведены в таблицу 2 (пятая строка). Средний угол возвышения – $11,00^\circ$.

Однако обычно стрела летит не с нулевой высоты, а с высоты рук стрелка. В наших ранних работах мы принимали эту высоту равной $1,5 \text{ м}$. Для определения влияния высоты стрелка определим угол возвышения. Нетрудно убедиться, что ее можно определить как:

$$X = \frac{v^2 \cdot \sin 2\theta}{g} + v \cdot \cos\theta \cdot \frac{-v \cdot \sin\theta + \sqrt{v^2 \sin^2\theta + 2gh}}{g},$$

где h – начальная высота, м. Данное уравнение проще решать численными методами, расчетные углы возвышения сведены в таблицу 2 (шестая строка). Средний угол возвышения – $9,97^\circ$. Как видно, влияние роста стрелка на максимальную дальность крайне незначительно.

Ранее мы показали, что коэффициент аэродинамического сопротивления стрел одной партии даже с разными наконечниками меняется незначительно [4], в связи с этим можно решить следующую математическую задачу, в предположении, что угол возвышения для всех стрел одинаков – совместное определение этого угла и коэффициента аэродинамического сопротивления. Графический смысл этих расчетов виден из рис. 1. Для обеспечения известной дальности с увеличением угла возвышения требуется увеличение коэффициента аэродинамического сопротивления. С другой стороны известен угол возвышения (табл. 2 строка шесть) при отсутствии сопротивления ($c_x = 0$), это будет точка пересечения кривой с осью абсцисс. Построив семейство графиков, можно будет увидеть, что все они проходят через определенную область, или точку, когда имеется абсолютно точное решение. В общем случае, из-за неопределенности в подсчете дальности (например, ясно, что "100 локтей" – это округленное значение) и в определении скорости (табл. 2 строки 3 и 4 дают представление о разбросе скорости), для каждой из кривой имеется дисперсия, центром области которой (математическое ожидание) и является эта кривая. Именно координаты области пересечения кривых и должны дать средний c_x для всей партии стрел и средний угол возвышения всех стрельб $\theta_{\text{стр}}$.

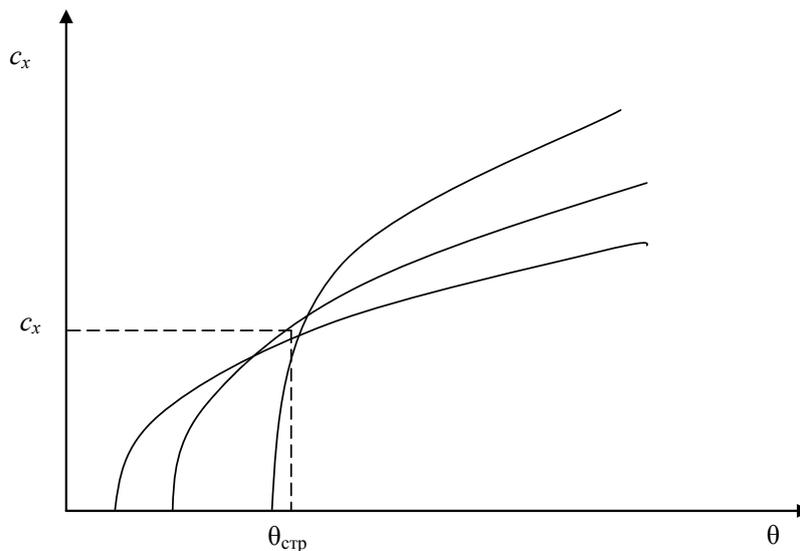

Рис. 1. Схема определения угла возвышения при стрельбах и коэффициента сопротивления партии стрел

Для проведения серии обратных баллистических расчетов была использована программа Artillery [6, 7]. Для каждой из стрел (табл. 2) с шагом по углу возвышения в $0,5^\circ$ был определен коэффициент формы i по отношению к закону сопротивления Сиаччи. Поскольку диапазон скоростей, характерный для указанных стрел приходится на прямолинейный участок закона Сиаччи, коэффициент аэродинамического сопротивления определяется простой зависимостью:

$$c_x = 0,255 \cdot i.$$

Как видно из рис. 2, результаты расчетов четко разделяют все арабские стрелы на два кластера: 1, 3, 4 и, возможно, 2, а также 5 max, 5 min и, возможно, 2. Для стрел легкого типа (1, 3 и 4) коэффициент формы вероятнее всего $i \approx 8$, из чего следует, что коэффициент аэродинамического сопротивления $c_x \approx 0,255 \cdot 8 = 2,04$, что вполне согласуется с нашими ранними данными [4].

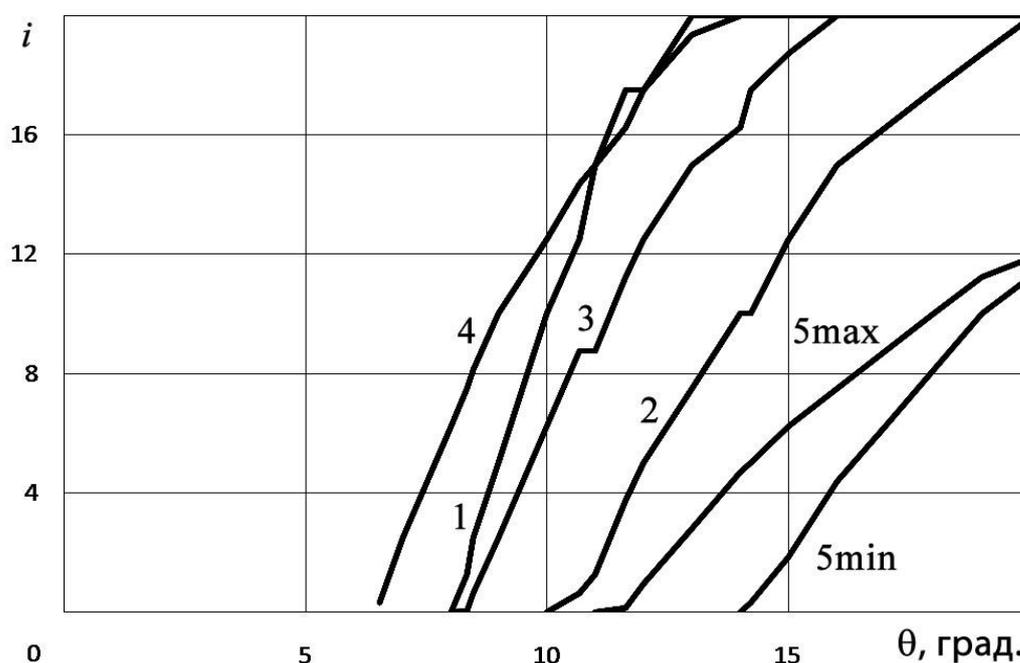

Рис. 2. Коэффициент формы к закону Сиаччи от угла возвышения для стрел табл. 2

Выводы

Проведенная идентификация баллистической информации работы "Arab archery" позволяет сделать следующие выводы:

1. В баллистических данных имеются опечатки или дефекты перевода.
2. Арабские стрелы пятого типа (тяжелые стрелы) имели существенные отличия в конструкции и не могли использоваться в одном колчане с более легкими. Методика испытаний на максимальную дальность для этих стрел отличалась от испытаний более легких.
3. Для легких арабских стрел коэффициент аэродинамического сопротивления $c_x \approx 2$, который был получен при стрельбе на максимальную дальность с углом возвышения около 10° .

Примечания:

1. *Коробейников А.В.* Средневековый трактат "Arab archery" о параметрах луков и стрел // Иднакар. 2008. № 2. С. 107-118.
2. *Денисов С.А., Коробейников А.В., Митюков Н.В.* Хантыйский лук и стрелы: реконструкция и баллистическая экспертиза // Иднакар. 2008. № 2. С. 64-79.
3. *Ганзий Ю.В., Салахов М.М., Митюков Н.В., Бусыгина Е.Л.* Экспериментальное определение закона аэродинамического сопротивления стрелы // Вестник ИжГТУ. 2012. № 4. С. 157-160.
4. *Коробейников А.В., Митюков Н.В.* Баллистика стрел по данным археологии: введение в проблемную область. Ижевск: Изд-во НОУ «КИТ», 2007. 140 с. (ISBN 978-5-902352-20-4).
5. Arab archery. An Arabic manuscript of about A.D. 1500 "A book on the excellence of the bow & arrow" and the description thereof. Princeton: Princeton University Press, 1945. 182 p.
6. *Митюков Н.В., Мокроусов С.А.* Программа прямых и обратных внешнебаллистических расчетов «Artillery v 2.0» // ГР в ВНТИЦ 19.10.2005 № 50200501493.
7. *Мокроусов С.А., Митюков Н.В.* Программа определения баллистических характеристик снаряда // Информационные технологии в инновационных проектах: Тр. IV Междунар. науч.-техн. конф. (Ижевск, 29-30 мая 2003 г.). Ижевск: Изд-во ИжГТУ, 2003. Ч. 2. С. 57-59.

References:

1. *Korobejnikov A.V.* Srednevekovyj traktat "Arab archery" o parametrah lukov i strel // Idnakar. 2008. № 2. S. 107-118.
2. *Denisov S.A., Korobejnikov A.V., Mitiukov N.V.* Hantyskij luk i stely: rekonstrukcija i ballisticheskaja jekspertiza // Idnakar. 2008. № 2. S. 64-79.
3. *Ganzij Ju.V., Salahov M.M., Mitiukov N.V., Busygina E.L.* Jeksperimental'noe opredelenie zakona ajerodinamicheskogo soprotivlenija strely // Vestnik IzhGTU. 2012. № 4. S. 157-160.
4. *Korobejnikov A.V., Mitiukov N.V.* Ballistika strel po dannym arheologii: vvedenie v problemnuju oblast'. Izhevsk: Izd-vo NOU «KIT», 2007. 140 s. (ISBN 978-5-902352-20-4).
5. Arab archery. An Arabic manuscript of about A.D. 1500 "A book on the excellence of the bow & arrow" and the description thereof. Princeton: Princeton University Press, 1945. 182 p.
6. *Mitiukov N.V., Mokrousov S.A.* Programma prjamyh i obratnyh vneshneballisticheskikh raschetov «Artillery v 2.0» // GR v VNTIC 19.10.2005 № 50200501493.
7. *Mokrousov S.A., Mitiukov N.V.* Programma opredelenija ballisticheskikh harakteristik snarjada // Informacionnye tehnologii v innovacionnyh proektah: Tr. IV Mezhdunar. nauch.-tehn. konf. (Izhevsk, 29-30 maja 2003 g.). Izhevsk: Izd-vo IzhGTU, 2003. Ch. 2. S. 57-59.

УДК 94(460).02

**Аэробаллистические параметры арабских стрел
по средневековому трактату "Arab archery"**

¹ Николай Витальевич Митюков

² Елена Леонидовна Бусыгина

¹⁻² Ижевский государственный технический университет имени М.Т. Калашникова, Камский институт гуманитарных и инженерных технологий, Российская Федерация

¹ Доктор технических наук, профессор

² Кандидат физико-математических наук, доцент

Аннотация. С помощью простейших математических моделей проанализирована баллистическая информация об арабской стреле из средневекового арабского трактата "Arab archery". Показано, что, если в тексте нет опечаток и перевод корректен, то, по-видимому, тяжелая арабская стрела имела специфическую конструкцию и не могла находиться в одном колчане с легкими. Что касается легких стрел, то, по-видимому, они имели типовую конструкцию с коэффициентом аэродинамического сопротивления $c_x \approx 2$, а стрельба на максимальную дальность осуществлялась арабским лучниками с углом возвышения около 10° .

Ключевые слова: средние века, арабы, стрела, лук, баллистическая экспертиза, аэродинамическое сопротивление.